

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ВАДИМ ПРОСКУРИН

ЗВЕЗДНАЯ СЕТЬ

Вадим Геннадьевич Проскурин

Звездная сеть

Серия «Звездная сеть», книга 1

OCR BiblioNet, Spellcheck by Серж

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=122438

Проскурин В.Г. Звездная сеть: Фантастический роман: АРМАДА:

«Издательство Альфа-книга»; М.; 2004

ISBN 5-93556-448-3

Аннотация

Люди не одиноки во Вселенной. Миллионы и миллиарды миров породили разумную жизнь, и многие из этих миров связаны Сетью. В Сети можно получить любое знание, которое ты способен усвоить. Через Сеть можно говорить, с любым существом, с которым есть о чем разговаривать. И еще через Сеть можно путешествовать, перенося свою душу в тело существа из другого мира.

Содержание

Глава первая	4
ГЛАВА ВТОРАЯ	123
Конец ознакомительного фрагмента.	161

Вадим ПРОСКУРИН

ЗВЕЗДНАЯ СЕТЬ

Глава первая

ЗЕМЛЯ – ТРИЛАР – ВУДСТОК

1

Этот тип не понравился мне с самого начала. Я сидел в машине, запирал мультилок и рассеянно наблюдал через тонированное окно, как Танька, моя соседка по лестничной клетке, неспешно извлекает из сумочки связку ключей и так же неспешно вертит ее в руках, отыскивая таблетку touch memory, отпирающую замок на двери подъезда. Как раз в тот момент и нарисовался этот тип.

Это был молодой человек, на вид чуть старше двадцати, высокий, белобрысый и очень румяный. Последнее, скорее всего, объяснялось жестоким морозом, который стоял в Москве уже третий день. Молодой человек был одет в пуховик китайского производства, затертый до полной неузнаваемости изначального цвета. Это привлекло мое внимание – жители нашего дома так не одеваются, да и те, кто приходят

к ним в гости, тоже обычно так не одеваются.

Я живу в кирпичном сталинском доме недалеко от метро «Ленинский проспект». Этот дом нельзя назвать элитным, но самая маленькая квартира здесь стоит шестизначную сумму в долларах, двор огорожен высоким металлическим забором, а у ворот размещается пост охраны. Во дворе нет ни одной ракушки, а на стоянке доминируют недорогие иномарки, хотя и «девятки» тоже встречаются. Есть даже одна «копейка», так заляпанная мовилем по всему кузову, что трудно сразу определить, какого цвета она была в молодости. Она принадлежит Ивану Сергеевичу с седьмого этажа, он на ней ездит в многоэтажный гараж в соседнем квартале, где стоит его «хаммер». Однажды весной мы пили с ним пиво на лавочке у подъезда, я возвращался домой, а он сидел на лавочке, рядом с ним стоял ящик «хольстена», он предложил мне поучаствовать, а я не отказался. У него были какие-то неприятности то ли в бизнесе, то ли в личной жизни, и он заливал пивом душевные раны. К тому времени, когда ящик опустошился, раны успешно залечились. Мы душевно посидели, он рассказал несколько забавных баек, например, как предпоследней зимой ехал он в гараж, а его нагло подрезала пятерка БМВ, он забыл, что едет на «копейке», озверел, подрезал «бумера», вытряхнул оттуда водителя и начистил ему бубен, как он сам выразился. Иван Сергеевич – очень большой мужчина, а в молодости серьезно занимался боксом. Он сказал, что когда экзекуция закончилась, на дороге образо-

валась мини—пробка, водители в телячьем восторге наблюдали за расправой над наглецом, а виновник торжества был в шоке. Иван Сергеевич говорил, у него был такой взгляд, как будто мир перевернулся.

Но я отвлекся. Вся длинная речь, которую я только что произнес, сводится к одному – молодые люди бомжеватого вида редко заходят в наш двор. А те, кто заходят, в пятнадцатиградусный мороз прикрывают голову если не шапкой, так хотя бы капюшоном, и не превращают свои уши в два пунцовых лопуха. Пьяный он, что ли? Или обдолбанный?

Танька отыскала—таки touch memory и открыла подъезд. Все то время, пока она возилась с ключами, хмырь топтался сзади и делал вид, что никуда не спешит, а просто стоит на морозе без шапки и думает о вечном. Но как только Танька вошла в подъезд, он последовал за ней. Напоследок он обвел двор тревожным взглядом и это мне совсем не понравилось. Уж не маньяк ли?

Я вылез из машины, щелкнул центральным замком и вошел в подъезд. Танька и хмырь как раз заканчивали грузиться в лифт. Лифт у нас старый, сталинский, двери открываются и закрываются вручную, так что погрузка в него занимает немалое время. Обычно я не жду лифта, я давно убедился, что взбежать по лестнице на четвертый этаж быстрее и полезнее для организма. Конечно, если у тебя в руках что-то тяжелое, альтернативы лифту нет, но сейчас у меня на плече болталась легкая сумка, почти что барсетка, а в руках вооб-

ще ничего не было.

Я взбежал по лестнице, на третьем этаже замедлил шаг, а затем и вовсе остановился. Мне стало любопытно, что сейчас будет происходить на четвертом.

Лифт остановился. Залязгали двери, сначала внутренние, затем внешние. Танька вышла, следом за ней вышел и хмырь. Это становится интересным.

– Вам же выше, – провозгласила Танька беззаботным тоном потомственной блондинки.

Хмырь ответил после секундной паузы.

– Мне сюда, – сообщил он.

Голос у него был монотонный и безжизненный, практически без интонаций. Однозначно наркоман.

Шаги Таньки стихли и на площадке воцарилась тишина. Я не видел, что там происходит, но это было ясно и так. Танька открыла рот и смотрит в пустоту расширенными глазами, а хмырь стоит сзади и гнусно ухмыляется, предвкушая развлечение.

Танька сдавленно охнула. Хмырь сделал два медленных шаркающих шага и противно захихикал, и от его хихиканья меня передернуло. Я аккуратно поставил сумку на ступеньки и, стараясь ступать неслышно, преодолел пролет лестницы, отделяющий меня от разворачивающейся сцены.

Танька стояла с открытым ртом и расширенными глазами, она пыталась что-то сказать, но изо рта доносилось только неразборчивое бульканье. Хмырь стоял ко мне спиной и не

делал ничего угрожающего, я даже не понял сразу, чего это Танька так испугалась. Я деликатно покашлял.

Хмырь обернулся и я увидел нож в его руке. Обычный нож для разделки мяса, довольно страшный, но в данной ситуации практически не опасный, особенно в руках неспециалиста, который не знает, как трудно пробить таким ножом многослойную зимнюю одежду.

– Чего тебе надо? – спросил я подчеркнуто безразличным голосом.

– Он... он... – Танька попыталась сформулировать, что именно он собирался сделать, но так и не смогла.

Но все было ясно и так. Обычный, вульгарный, так сказать, сексуальный маньяк.

На секунду маньяк погрузился в глубокомысленные раздумья, итогом которых стала банальная фраза из трех слов, которую я не буду цитировать по этическим соображениям.

Я не воспользовался советом маньяка, вместо этого я сделал шаг в его сторону.

На лице маньяка снова нарисовалось задумчивое выражение, казалось, он прислушивается к чему-то такому, что из всех нас слышит только он один. Я успел сделать три шага, прежде чем он принял решение.

Он метнул нож. Между нами оставалось около трех метров, так что у меня не было ни времени, ни возможности уклониться. Да я и не собирался – я сразу понял, что метать ножи этот тип не умеет, а значит, риска для моей жизни

практически нет.

Нож ударил меня в область сердца. Рукояткой. Да если бы и острием, ничего плохого не случилось бы — сила удара была много меньше той, что нужна, чтобы пробить дубленку, толстый свитер, пачку документов в нагрудном кармане рубашки, саму рубашку и, наконец, межреберную ткань, которая намного прочнее, чем думают дилетанты.

Нож упал на каменные ступеньки, лезвие звякнуло. Как ни странно, маньяк не выглядел разочарованным, похоже, маневр с метанием ножа был изначально задуман как отвлекающий. Плохо.

Вот он полез в нагрудный карман пуховика... совсем плохо.

Одним прыжком я преодолел разделяющее нас расстояние и провел связку, намертво впечатанную в подсознание многолетними тренировками. Удар ногой по внутренней стороне коленного сустава, противник пытается отступить назад, спотыкается, в это мгновение захватить обеими руками кисть руки с оружием и сильно дернуть наружу и назад, не только руками, но и всем телом, запястье противника этот момент часто ломается. Убедиться, что оружие выпало, разжать руки, дожждаться, когда противник упадет, и провести серию добивающих ударов.

На этот раз запястье не сломалось, но все остальное прошло на ура. Маленький пластмассовый пистолетик небесно—голубого цвета выпал из руки маньяка еще до того, как

я сжал захват. Неудивительно – рука была холодная, как лед, этот идиот забыл надеть не только шапку, но и перчатки, и успел уже обморозиться. Я провел прием до конца, инерция вынесла маньяка на лестницу, он кубарем скатился по ступенькам и остановился в конце лестничного пролета около мусоропровода – самое место для такого типа. Добивающие удары не потребовались.

Я пригляделся к поверженному врагу и решил, что шея не сломана, да и руки—ноги тоже целы. Дуракам везет.

Я стоял, переводя дыхание и обозревая плоды своего вмешательства. Краем глаза я отметил какую-то несообразность в произошедшем, что-то было не так... ага, вот оно!

Мой взгляд уткнулся в пистолетик, выпавший из руки прикурка. Пистолет был пластмассовым, детская игрушка. Я почувствовал себя идиотом. Хорошо, что хмырь не сломал шею, а то пришлось бы потом отмазываться. Я ведь был уверен, что он потянулся за боевым оружием, у него были такие глаза... Должно быть, сам поверил, что пистолет боевой, наширился до полной потери сообразительности, идиот. В голове промелькнула циничная мысль: сумел бы он изнасиловать Таньку, если бы меня здесь не оказалось? Вряд ли. После такой дозы любой мужик временно становится импотентом, а если злоупотреблять, то и не временно.

В воздухе запахло цементом. Я поднял голову и увидел, что на чисто выбеленном потолке появилась нехилых размеров проплешина, с которой сплошным потоком сыпалась

цементная пыль. Проплешина росла на глазах и как раз в данный момент одним концом задела край люминесцентной лампы. Лампа мигнула и погасла, а секундой спустя упала на пол и разбилась с оглушительным звоном, сотни осколков брызнули во все стороны. Танька пискнула. Цемент посыпался с потолка с удвоенной интенсивностью.

Мне показалось, что я схожу с ума и что все это галлюцинация. Потому что я понял, что форма проплешины на потолке точно соответствует траектории, которую описало дуло игрушечного пистолета за те доли секунды, что я выдерживал его из руки маньяка. Но это безумие какое-то!

Я отбросил ненужные мысли, сейчас надо не думать, а действовать. Аккуратно подобрал пистолет с пола, держа за ствол, и положил под дверь своей квартиры, так, чтобы дуло было направлено в стену. Спустился к мусоропроводу, убедился, что наркоман все еще в отключке, и быстро обшарил его карманы. Во внутреннем кармане пуховика обнаружился паспорт на имя Ростислава Викторовича Борисова, двадцати двух лет от роду, живущего в соседнем квартале, если верить прописке.

В боковом кармане пуховика я нашел нечто не столь банальное. Основной частью этого сооружения был школьный пенал, в пластмассовом корпусе которого были проделаны многочисленные отверстия, из которых торчали тонкие медные проводки в золотистой изоляции. Некоторые из них выходили из одних отверстий и ныряли в другие, другие со-

единялись между собой, причем стыки были не только не пропаяны, но даже не обмотаны изолентой. Конструкцию довершали восемь пальчиковых батареек, размещенных вокруг пенала по окружности, как бомбы вокруг талии шахида. И все это безумие было плотно замотано прозрачным скотчем. Поколебавшись, я засунул этот образец народного творчества в свою сумку, которая как раз валялась в метре от тела, там, где я ее бросил две минуты назад.

Больше ничего интересного в карманах маньяка не обнаружилось. Ключи от квартиры и пятьсот рублей мелкими купюрами никак нельзя признать интересными находками.

Завершив обследование тела, я встал, и в этот момент произошла еще одна странная вещь. Вокруг ничего не изменилось, но я ясно почувствовал, как активизировалось то шестое чувство, которое обязательно вырабатывается у человека, побывавшего хотя бы на одной войне и вернувшегося с нее живым. Невидимый звоночек недвусмысленно предупредал меня об опасности. А потом я почувствовал... нет, не знаю, как это можно описать словами, чтобы точно передать смысл происходящего. Если наплевать на то, что слова лишь очень отдаленно соответствуют ощущениям, случившееся можно описать примерно так. Мир перевернулся и нечто опасное ушло, просвистев рядом с моим ухом. Бредово, правда?

Маньяк застонал и открыл глаза. Теперь в них не было ничего маньяческого и даже ничего наркоманского. Это были

нормальные глаза нормального молодого человека.

– Где я? – спросил он.

Он попытался сесть, но тут же схватился за ушибленную руку и застонал.

Я присел на корточки рядом с ним. Несмотря на полное отсутствие каких—либо внятных доводов, я был уверен, что он больше не представляет опасности. Так говорило мое шестое чувство, а Чечня приучила меня ему доверять.

– Таня, подойди сюда пожалуйста, – попросил я.

А затем добавил, обращаясь к несостоявшемуся маньяку:

– Ну и зачем ты хотел ее изнасиловать?

Ростислав Викторович Борисов явил миру глаза по пять копеек.

– Я? – переспросил он.

Танька нервно хихикнула.

– Нет, я! – рявкнул я. И добавил, уже мягче: – Совсем ничего не помнишь?

– Совсем ничего, – подтвердил Ростислав.

Я встал, отряхнулся, подобрал сумку и пошел вверх по лестнице. Поравнявшись с Танькой, я тихо шепнул ей на ухо:

– Пистолета не было. Поняла?

Танька быстро кивнула, но по выражению ее лица было ясно, что ничего она не поняла. Я выразился яснее:

– Если скажешь ментам про пистолет, я расскажу про Рубена Эммануиловича.

– Какого еще Рубена Эммануиловича? – теперь она точно

ничего не понимала.

– У мужа спроси, – сказал я и пошел к своей квартире.

Перед тем, как открыть дверь, я наклонился и подобрал с пола голубой пластмассовый пистолетик.

– Ментов вызывать? – спросила Танька.

– Сама решай, – отозвался я и закрыл за собой дверь.

2

Первая мысль, посетившая мою многострадальную голову, была безумна. Я подумал, не вызвать ли ментов. Но что я им скажу? Юный балбес, отмороженный в самом прямом смысле этого слова, пытался изнасиловать мою соседку, а потом угрожал мне игрушечным пистолетом, из которого выстрелил в потолок, с потолка осыпалась побелка вкупе с лампой, а бетон стал рассыпаться в цементную пыль. Кстати, как там процесс идет?

Я посмотрел в глазок и увидел, что процесс завершился, цемент с потолка больше не падает. И то хорошо.

Нет, менты отменяются. Не нужно делать три попытки, чтобы угадать, куда меня отправят после такого рассказа.

Вспомнился рассказ сатирика Задорнова, как они с Якубовичем напились до свинского состояния, стали кататься на лыжах по лестнице и сшибли бабку, выходившую из лифта. Бабка вызвала скорую, а когда врачи узнали, что ее сбили За-

дорнов с Якубовичем на лыжах, ее тут же отправили в психушку. А на следующий день в психушке была немая сцена, когда туда приперлись похмельные виновники торжества с цветами и извинениями. Нет, такое шоу нам точно не нужно.

Я осторожно взял пистолет в руку и повертел туда—сюда. Никакого предохранителя не видно, что пугает. И тут меня посетила вторая безумная мысль.

Я пошел на кухню, снял с подоконника цветочный горшок, установил в центр обеденного стола, взял пистолет, направил его на цветок и, чувствуя себя пациентом больницы имени Кащенко, нажал на спуск. Ничего не произошло. Я отпустил спусковой крючок и перевел дыхание, которое, оказывается, до того задержал.

С цветка стали опадать листья. Они увядали прямо на глазах, на них выступали маслянистые капли, а сами листья засыхали, скукоживались и отваливались один за другим. Я представил себе, как нечто подобное происходит с моей головой, и мне стало плохо.

Значит, пистолет действует. Интересно, как? Должно быть, у него внутри какие-то молекулярные деструкторы, которые так часто упоминаются в дурной фантастике. Какое-то вымышленное поле входит в резонанс с чем-то еще и за счет этого рассыпаются межатомные и межмолекулярные связи, что приводит к физическому разрушению объекта, и все это происходит не в научно—фантастическом романе, а в реальной жизни. Обалдеть.

Я прошел на кухню и потратил две минуты на вскрытие тайника. Тайник в моей квартире размещается необычно. Чтобы добраться до него, не нужно ни простукивать стены, ни вскрывать потолки, ни двигать предметы мебели, нужно всего лишь снять одну водопроводную трубу. Это делается очень быстро, тайник располагается, можно сказать, на виду, но крайне маловероятно, что кто-то догадается искать его именно там. Даже самые отмороженные бандиты не трогают водопровод без нужды.

Я вскрыл тайник, заложил в него пистолет и пенал с батареями, поставил трубу на место и тщательно ликвидировал следы того, что в это место недавно лазили. А потом достал из холодильника пиво, уселся перед телевизором и стал ждать ментов.

3

Менты не пришли ни вечером, ни ночью, ни на следующее утро. Это означает, что у Таньки хватило мозгов не приплетать представителей закона к нашим маленьким проблемам. Также хорошо, что Дима, Танькин муж, старший менеджер в большой компании, специализирующейся на мелкооптовой торговле героином, не стал интересоваться, откуда я знаю про Рубена Эммануиловича. Должно быть, тоже заблаговременно навел справки о соседях и теперь ничему не

удивляется. Вот и хорошо.

Я умылся, почистил зубы, побрился, сварил кофе, сделал два бутерброда с бужениной и позавтракал. А потом взял телефон и позвонил Женьке.

Женька, а точнее Евгений Григорьевич Хлыстов – заместитель директора частного охранного предприятия «Эзоп» и мой непосредственный начальник. Наша контора не занимается ни охраной рынков, ни наведением порядка на парковках перед торговыми центрами, «Эзоп» специализируется на совсем другой деятельности. Журналисты называют это промышленным шпионажем, но у нас эти слова не принято употреблять, у нас принято изъясняться эзоповским языком, оправдывая название фирмы.

Так вот, я позвонил Женьке и сказал, что предпочел бы сегодня не появляться на работе, если нет срочных дел.

– Что такое? – поинтересовался Женька. – Заболел?

– Нет, – честно ответил я, – не заболел. Просто появилось одно домашнее дело...

«Домашнее дело» на нашем жаргоне – это когда неожиданно натыкаешься на что-то такое, из чего может получиться нечто интересное и выгодное для всей компании. С точки зрения закона, все клиенты приходят к нам исключительно через парадный вход, где секретарша Ирочка их встречает, поит кофе или чаем по желанию клиента, а потом препровождает либо к Женьке, либо к Лешке, либо ко мне, им в обязательном порядке зачитывают закон о частном сыске и

предупреждают об ответственности... вот ведь бред! На самом деле так почти никогда не бывает. За все время существования нашей конторы через центральный вход прошло только три посторонних человека, из которых двое ошиблись адресом, а третий заскучал и ушел, так и не дослушав до конца все обязательные предупреждения. Клиенты приходят к нам разными путями, но чаще всего по личному знакомству. Когда к тебе неожиданно обращается бывший однокурсник или сосед или друг старого клиента, это и есть домашнее дело. Когда, занимаясь очередным делом, ты натыкаешься на информацию, пригодную для того, что менты называют шантажом, а мы называем агрессивной маркетинговой политикой, это тоже домашнее дело. Если подходить к вопросу строго формально, я даже не обманул Женьку, этот безумный пистолет явно подпадает под категорию домашнего дела.

Уладив отношения с начальством, я вскрыл тайник, извлек оттуда оба устройства и водрузил их на кухонный стол. Я решил начать с пистолета, с ним все проще, по крайней мере, понятно, для чего он нужен. Я вооружился набором отверток, пинцетом и пассатижами, и приступил к вскрытию, не забывая время от времени щелкать цифровым фотоаппаратом. Уже вскрыв корпус, я сообразил, что экзекуцию цветка следовало бы заснять на видеокамеру, но прерывать процесс не хотелось. Видеоролик можно снять и потом.

Результаты вскрытия меня разочаровали. Внутри писто-

лета не было ничего сверхъестественного — ни загадочных микросхем с надписью «Собственность ВВС США», ни еще более загадочных гель—кристаллов. В рукоятке пистолета размещалась батарейка Energizer, а внутри пластмассового ствола — тонкая алюминиевая трубка, густо обмотанная снаружи электрическими проводами, образующими сложный узор, поверх которого торчали разнообразные сопротивления и конденсаторы. Я потратил полчаса на то, чтобы нарисовать электрическую схему устройства, но она ничего не прояснила. Это была нормальная электрическая схема, мощность у нее была, по грубым прикидкам, около пяти ватт, но смысла в ней не было никакого. Если бы я не знал, на что способен этот пистолетик, я бы сказал, что это извращенная разновидность обогревателя для руки. Во всей схеме нет ни одного элемента, несущего хоть какую—нибудь полезную функцию, все, на что пригодна эта схема — потреблять энергию и выделять тепло.

Изнутри алюминиевая трубка была туго набита загадочной субстанцией грязно—желтого цвета, когда-то кашеобразной, а теперь высохшей. Я подцепил пинцетом маленький кусочек, вытащил из ствола и после минутного раздумья решился понюхать. Лучше бы я его не нюхал. Это был протухший сыр.

Я собрал пистолет в обратном порядке, сходил за видеокамерой, установил ее на углу стола и подверг обстрелу из игрушечного пистолета еще один цветок, на этот раз кактус.

Результат превзошел все ожидания. Кактус изменил форму, как бы продавился внутрь, а потом кожа лопнула и наружу потекла дурно пахнущая жижа. Видеокамера прилежно запечатлела это безобразие, я просмотрел запись на экране телевизора, запись выглядела даже более эффектно, чем живой эксперимент.

Я отложил пистолет в сторону и перешел ко второму предмету в коллекции. Я взял пенал в руку и он сразу напомнил мне ручную противотанковую гранату – размеры, вес и балансировка примерно соответствовали. Мне стало страшно.

«Ну и что это такое?» – мысленно обратился я к замотанному скотчем пеналу. А в следующую секунду чуть не упал с табуретки, потому что пенал ответил.

А это, типа, работать поменьше, а жрать побольше, – ехидно провозгласил пенал.

Пенал сказал это не вслух, голос прозвучал только в моей голове. И вообще, это был не голос, а скорее, мыслеобраз, содержащий помимо вышеприведенных слов, добродушно–ехидную интонацию, а также что-то еще, чего я не уловил. Приглашение к беседе, что ли?

– Чего жрать? – тупо переспросил я, на этот раз вслух.

С чего ты взял, что жрать будет больше? – отозвался пенал. – *Это у зайлонских пепелацев – как начал жрать дейтерий – пора менять гравитацию. У аранка может и уменьшиться потребление – редко когда станет сильно большим. Мозги тренируют качественнее и, видимо, режим без грави-*

цаппы полноценно прорабатывают. А если уж пепелац вообще не оснащался гравицаппой – тогда и мозги будут еще лучшие!

Пенал начал свою речь монотонно и без эмоций, но закончил с большим воодушевлением. Казалось, он был искренне рад тому, что сумел донести до меня важную и животрепещущую информацию. Знать бы еще, к чему эта информация относится...

– К чему это все? – спросил я. – Намекаешь, что тебя пора покормить?

Здравствуйте, люди! Люди, здравствуйте! – провозгласил пенал и заткнулся.

Я задумался. Это сооружение, что бы оно из себя не представляло, явно неразумно. Да и пусть оно даже разумно, поддерживать беседу оно явно не хочет. Но на обращенные к нему реплики откликается, хотя и странно. А если не задавать вопрос, а просто произнести ключевое слово, обращаясь к нему?

– Зайлон, – сказал я.

Тридцать второе брюмера – день Умфолози, торжество учеников. Зайлон плюс минус поздравляет всех изучающих с великим днем. Если тебя зовут Умфолози и ты ищешь истину – обращайся в дар – он тебя ждет. Пожелания помещайте в зайловэл.

Тут меня осенило.

– Хочу поместить пожелание в зайловэл, – заявил я.

Текст пожелания?

– Желаю узнать, что такое зайловэл, что такое зайлон плюс минус, что тут вообще происходит и куда я попал.

Пожелание помещено – сообщил пенал и замолк.

Я ожидал, что будет продолжение, но его не было.

– Это все? – спросил я.

Все же очень много общего у закадычных друзей Натаниэля Зекстера и Вениамина Бампо. Вслед за Вениамином, покинувшим уютное пастбище, Натаниэль обратил взор в сторону Марианских равнин. И во время записи откровения торчу в прерии без ориентиров...

– Хватит! – воскликнул я.

Пенал послушался.

Интересно... Когда говоришь что-то конкретное, он все понимает и адекватно реагирует. Но если задать вопрос, выходящий за рамки программы... Точно! Эта штука не обладает интеллектом, это просто бытовой прибор, управляемый голосом, вроде как компьютер для слепых. Но почему тогда он выдает такую ахинею на неожиданные вопросы? Не понимаю.

– Выдай справку, – потребовал я.

Не надо быть мне отшельником, мучиться примитивным страхом, по грязным местам для сна и для смерти перемещаться с места на место, разыскивая Великое Счастье!

– Заткнись, – пробормотал я, непроизвольно зажимая

уши. Уж очень громко прокричал неслышимый голос последние слова.

Со справкой не вышло, вероятно, в этом устройстве такая функция не предусмотрена. Жаль. Вскрыть его, что ли... А смысл? И так ясно, что там внутри – безумное переплетение проводов, еще более безумный набор радиодеталей и какая—нибудь дохлая крыса в середине.

Я попробовал еще раз:

– Справка.

Обычно вопрос представляет из себя просто слово или несколько, например, мозги работы клаату.

– Техническая поддержка.

Ночью 27 барраяра началось большое шествие опопанаксов.

– Фак.

Когда воруеть пепелац, сотри регистрационную метку.

– Гарантийная мастерская.

В Триларе—8 открыто место раздачи антенных изделий, в котором находится гарантийная мастерская Былыгыды, где опытные мастера помогут починить и настроить продукцию. Телефон 557053669307828917267. Позвонить?

– Позвонить, – подтвердил я.

Гарантийная мастерская Былыгыды, – сказал пенал. – Что нужно?

В самом деле, что мне нужно? Если предположить, что

сейчас со мной разговаривает не сам пенал, а кто-то еще...

— Где вы находитесь? — спросил я.

Трилар—8—9—16—192—312—43. Осуществить перемещение?

— Осуществить.

Подтверди.

— Подтверждаю, — сказал я.

И сразу подумал: е—мое, что же я наделал-то?

4

Я плавал в теплой морской воде, очень соленой и очень мутной. Вода была всюду — слева, справа, вверху, внизу. Мысленно перечислив эти направления, я заметил, что вижу все, что происходит вокруг, и для этого совсем не нужно поворачивать голову, которой у меня, кстати, нет. Как это нет?!

Да, головы не было, так же, как и рук, и ног. Мое тело представляло собой бесформенную кашеобразную массу, нечто вроде большой амебы, внутри тело было однородным, но не одноклеточным, клеточная структура у него была... да и внутренние органы тоже кое-какие были... стоп! Откуда я все это знаю?

Главное сейчас — не нервничать и успокоиться. Я нахожусь не у себя на кухне, а... гм... где-то еще. Как там говорил этот чертов пенал? Где он, кстати?

Пенала не было. Я плавал в большой закрытой емкости объемом раз в пять больше моего тела, стенки емкости выглядели не то металлическими, не то пластмассовыми, никакого подобия дверей и окон в них не было. Замурован?

Надо срочно приходить в себя и соображать. Нельзя позволять мыслям растекаться, надо сконцентрироваться и думать о том, что сейчас главное. А что сейчас главное? Что со мной вообще произошло?

Пенал предложил мне осуществить перемещение на какой-то Трилар—8—9—какие-то—еще—цифры. Я согласился. Надо полагать, перемещение состоялось. Интересно, что это за тело у меня? Постоянная форма отсутствует, скелет отсутствует, система кровообращения жидкостная открытого типа с принудительной перекачкой, сердце двухрядное шестнадцатиклапанное, дыхательная система децентрализованная, жаберная, гидроснабжение жабр за счет тонуса кожных покровов. Нервная система распределенная, одноранговая, коэффициент интеллекта 98%. Интересно, 98% от чего? Ага, от общегалактического стандарта разумного существа.

Общегалактического? Так я, что, на другой планете?

Надо срочно сконцентрироваться и разобраться в своих чувствах. Прежде всего, мои ли это чувства? Кто я? По-прежнему Андрей Николаевич Сигов, тридцати лет от роду, сотрудник частного охранного предприятия «Эзоп», или большая амеба с распределенной одноранговой нервной

системой? Философский вопрос: что идентифицирует личность – тело или душа?

Ну вот, наконец-то удалось описать словами, что со мной произошло. Моя душа неизвестно каким образом оказалась в большом амебообразном теле, плавающем в контейнере с теплой соленой водой на загадочной планете Трилар. Или не на планете... наплевать!

Я попытался пошевелиться и это мне удалось. Тело послушно сформировало ложноножки, зашевелило ими и завертелось в некоем подобии танца. А если попробовать поплавать...

В передней части тела возникла глубокая воронка, нечто вроде язвы, она расширялась и углублялась, а потом, когда углубилась достаточно, ее стенки устремились навстречу друг другу и слились воедино, загнав внутрь тела большой водяной пузырь. Тело прогнало пузырь сквозь себя, сдавило и с силой выбросило из противоположного конца. Отдача бросила меня на стену контейнера, в нужных местах тела тут же выросли ложноножки, на их концах кожа как-то изменилась и когда я соприкоснулся со стеной, тело не отпружинило, а приклеилось.

Похоже, доставшееся мне тело – не просто гора мяса, оно оснащено базовыми рефлексам, которыми я могу пользоваться. Дышать, передвигаться, ориентироваться... питаться... да, питаться, не мешало бы поесть, кстати.

Тело тут же сообщило, что именно оно хочет съесть. Су-

щество, в котором поселилась моя душа, плотоядно, любимой его пищей являются маленькие создания, такие же амебообразные, как и оно само, только гораздо меньше и без проблесков разума. Море буквально кишит ими, надо только найти достаточно большой косяк, раскрыть пошире питательную воронку, заглотить столько, сколько получится, переварить, выбросить пузырь с остатками и отправляться на поиски новой пищи. А пока пища переваривается, можно заняться досугом.

Кажется, нервы приходят в порядок. Все становится понятно – этот пенал каким-то образом переправил меня по указанному адресу, причем переправил не тело, а только душу, информационную составляющую, так сказать. Вполне логично – человеческому телу не выжить на этой планете, где, кажется, воздуха вообще нет. Да, точно, тело подсказало мне, что эта планета не имеет атмосферы, океан, занимающий всю поверхность планеты, сверху покрыт толстой ледяной коркой, за пределами которой царит космический вакуум. Кстати, я ошибся, полагая, что плаваю в воде, это не вода, это аммиак, вода для этого тела смертельна, она разъедает его, как кислота.

Вот, значит, как происходят настоящие космические путешествия. Никаких ракет, никаких летающих тарелок, никаких гиперпространственных двигателей, материя вообще не перемещается, путешествует только сознание. Мое старое тело... где оно, кстати?

Новое тело ничего не смогло подсказать по этому вопросу, должно быть, само не знало. Я попытался увидеть свое человеческое тело мысленным взглядом, ничего у меня не получилось, но из глубины сознания и в то же время откуда-то извне донесся вопрос:

Акклиматизация завершена?

– Завершена, – подтвердил я.

В центре одной из стенок контейнера появилось круглое отверстие, оно быстро расширилось и поглотило всю стену. Открылся проход в большой бассейн.

Шевеля ложноножками, я осторожно выплыл наружу, и немедленно уперся взглядом в такую же амёбу, как я.

– Приветствую! – произнесла амёба.

На самом деле обитатели этой планеты не пользуются звуковой речью, наше общение больше походило на телепатию, но смысл от этого не меняется. Оно передало информацию, а я ее принял.

– Здравствуйте, – вежливо отозвался я.

– В первый раз путешествуешь?

– Да, а что?

– Ты очень долго акклиматизировался. Ты наземное существо?

– Теперь уже нет.

– Я имею в виду, раньше был. Ты явно наземное существо.

– Как ты догадался?

– Ты испугался, когда увидел, что наверху нет газа.

– Ты читаешь мои мысли?

Амеба хихикнула.

– Нет, я не читаю твои мысли, – сообщила она. – Строй твоих мыслей слишком чужд, я почти ничего в них не понимаю. Но я улавливаю общий эмоциональный фон. Ты растерян, испуган и обеспокоен.

Я попытался кивнуть, но кивать было нечем. Впрочем, мой собеседник и так все понял, должно быть, по изменению эмоционального фона.

– Боишься, что не сможешь вернуться назад? – предположил он.

Я снова выразил молчаливое подтверждение.

– Вернуться очень просто, – сказала амеба. – Надо просто пожелать этого. Разве с тобой не провели инструктаж?

– Не провели. Я вообще не знал, что куда-то перемещусь.

– Как это не знал? Ты же спросил у меня координаты портала.

– Я не верил, что эта штука действительно работает. Понимаешь, я случайно нашел устройство, похожее на хранилище вещей для обучения личинок, оно начало со мной разговаривать...

Я хотел сказать «пенал», но на том бессловесном языке, на котором мы общались, получилось совсем другое.

Амеба забеспокоилась.

– Где ты нашел это устройство? – спросила она. – Почему ты не сдал его охране?

– Какой охране?

– В твоём мире нет тех, кто охраняет?

– Кого от чего?

– Порядок от нарушителей. Терминалы Сети не должны валяться где попало без присмотра. Твой мир давно вошел в Сеть?

– В какую сеть?

– Не в сеть, а в Сеть. Ты ничего не знаешь о Сети?

– Ничего.

– Странно... Сейчас посмотрю... Ага, вижу, ты из варварского мира. Странно, вы уже давно подключились, но до сих пор не построили ни одного портала. Должно быть, вы очень необычная раса. Гм... На мой взгляд, ты самое обыкновенное наземное существо, только уровень эмпатии у тебя очень низкий.

– Уровень чего?

– Способности ощущать ощущения других существ. Если хочешь, провожу тебя к мудрецам, им будет интересно тебя изучить.

Вот только этого мне еще не хватало! Попасть на другую планету и тут же записаться в подопытные кролики.

– Я не за этим сюда пришел, – вежливо сказал я.

– Я знаю, – подтвердила амеба. – Ты пришел, чтобы убедиться, что терминал работает. Кстати, почему ты выбрал именно наш портал?

– Я просил у терминала рассказать, что он собой пред-

ставляет, а он отвечал какую-то ерунду. А потом он вдруг назвал ваш телефон.

Амеба захихикала.

– Должно быть, ты не перевел терминал в обычный режим, он был в режиме поиска информации. Ну, когда ты называешь понятие, а он выдает информацию об этом понятии.

– Нет, вряд ли... Он выдавал такую ахинею...

– Поиск информации – дело непростое. Правильно сформулировать запрос – большое искусство.

– Может быть. Значит, если я хочу вернуться обратно, я должен просто пожелать?

– Потом сеть запросит подтверждение. Ты должен подтвердить желание и тогда ты вернешься в свое тело.

– А где оно сейчас, кстати?

– В стасисе.

– Где?

– Когда ты перемещаешься в другое тело, твоё старое тело консервируется.

– Как это? Валяется в анабиозе?

– Нигде оно не валяется. Сеть извлекает тело путешественника из трехмерного пространства и консервирует в стасисе. Когда ты уходишь, твоё тело исчезает, а когда возвращаешься, оно снова появляется в той же точке пространства.

– А это тело откуда взялось?

– Это гостевое тело портала. Оно специально предназна-

чено, чтобы принимать путешественников.

– Постоянного хозяина у него нет?

– Нет, оно выращено искусственно. Если ты ничего не знаешь о Сети, тебе не нужно меня расспрашивать, лучше все узнать прямо в ней. Говоришь терминалу ключевое слово, а он выдает информацию.

– Я уже пробовал.

– Не всегда нужная информация выдается с первого запроса. Если терминал выдает не те данные, которые ты хочешь получить, ты должен сказать ему, чтобы он предложил другой вариант, и так до тех пор, пока не получишь то, что надо. И не забывай четко формулировать запрос. И совсем не обязательно для этого быть в гостевом теле.

– Намекаешь, что мне пора возвращаться?

– А что тебе у нас делать? У нас временная иммиграция не ограничивается, но, сам посуди, зачем ты здесь? Перед тем, как будешь уходить, не забудь покормить тело, неприлично оставлять его голодным.

– Ладно. Слушай, если я тебе что-то должен...

– Не бери в голову. Если ты имеешь в виду деньги, то они здесь не в ходу. Поплавай, покормись, да возвращайся. Только не забудь загнать тело в ангар, а то придется ловить его по всему океану.

Амеба немного поколебалась и добавила:

– Будь осторожен. Не во всех мирах любят незваных гостей. Не забывай, ты из варварского мира.

– И что? – насторожился я. – Почему у вас не любят пришельцев из варварских миров?

– Не у нас, у нас нет ограничений для туристов. У нас высокоразвитый мир, порталы на каждом углу, а... Я понял. Ты не знаешь, что бывает, когда перемещаешься в место, где нет портала, правильно?

– И что бывает?

– Твое сознание помещается в ближайшее доступное тело. Тебе будет приятно, если в твоём теле поселится турист?

И тут я понял, что вчера произошло в моем подъезде.

– А когда турист уходит, в тело возвращается старый хозяин? – спросил я. – И ничего не помнит о том, что было?

– Откуда ты знаешь? – заинтересовалась амеба.

– Я отобрал терминал у такого туриста. Кажется, я понимаю, почему их не любят.

– Хулиганил? – предположила амеба.

– Не то слово. Пытался совершить сексуальное насилие.

– Что это такое?

– Неважно, – я мысленно махнул рукой. – Спасибо за ценную информацию. Где я могу поесть?

– Доверься своим инстинктам, – посоветовала амеба. – Или, если хочешь, сплаваем вместе, мне тоже надо подкрепиться.

И мы поплыли.

Когда я вернулся обратно в свою квартиру, в Москве был уже вечер. В мое отсутствие в квартиру никто не ломился, даже на автоответчике новых сообщений не было. Это хорошо.

Я добыл в морозилке пельменей и наскоро перекусил. А потом приступил к делу.

Оказалось, что получить нужную информацию от терминала Сети совсем нетрудно, если ты знаешь, как к нему обращаться и что ожидать в ответ. Я потратил два с половиной часа на общение с терминалом и узнал в результате вот что.

Давным-давно, в незапамятные времена, во вселенной возникла Сеть. Она отдаленно похожа на наш земной интернет, примерно так же, как мозг Эйнштейна похож на мозг земляного червя. Масштабы Сети колоссальны, я попытался по косвенным данным грубо оценить количество узлов, но не смог, цифра получилась очень уж подавляющая. Сеть огромна.

Чтобы подключиться к Сети, надо иметь терминал. Терминал устроен предельно просто, даже на такой отсталой планете, как Земля, его можно собрать из подручных материалов всего за несколько часов. Строго говоря, терминал Сети не является терминалом в привычном человеческом понимании, это просто маяк, который сообщает Сети, что в

данной точке пространства имеется пользователь, который хочет с ней поработать. Ближайший сервер обнаруживает маяк и начинает обслуживать пользователя.

Большая часть функций Сети лежит за пределами привычного для нас трехмерного пространства. Число измерений вселенной гораздо больше трех и их геометрия настолько отличается от привычной, что мне так и не удалось понять, на каких принципах основана работа Сети. Я не удивился – папуасу тоже трудно уразуметь, как работает сотовая связь. В первом приближении, существует некое поле, которое охватывает всю вселенную, позволяет мгновенно передавать информацию из одной точки в другую, и это самое поле используется Сетью для своих нужд. Я убил четверть часа на заслушивание научных текстов, посвященных принципам построения Сети, но потом понял, что это бесполезно.

Когда работаешь с Сетью, проблема перевода информации с одного языка на другой не стоит. Сеть автоматически преобразует выходные данные в систему понятий, привычную для пользователя. Если загрузить в Сеть английский текст, а потом попробовать его прочитать, на выходе получится очень качественный русский перевод. Но если отличается не только язык, но и вся система понятий, перевод получается, мягко говоря, странным.

В языке Зайлона нет понятий «пепелац» и «гравипапа», эти понятия Сеть взяла из моего сознания как наиболее близкие к тому, что имел в виду автор текста. И вообще, ра-

са Зайлон называется не так, она вообще никак не называется, потому что ее представители не пользуются звуковой речью. Слово «Зайлон» Сеть взяла из моих воспоминаний, из какой—нибудь книги или фильма, который я смотрел так давно, что все забыл, но слово в памяти осталось.

Когда в разговоре с аборигеном Трилара я попытался сказать «пенал», это слово прозвучало как целая фраза – хранилище вещей для обучения личинок. Когда я читаю в Сети тексты, описывающие, как она устроена, подобному преобразованию подвергается почти каждое слово в тексте. А как еще объяснить невежественному варвару вещи, о которых он не имеет ни малейшего понятия?

Сеть существует, и это все, что доступно моему пониманию. Сеть предоставляет любому абоненту любую информацию, которую он способен усвоить. Сеть позволяет общаться любым разумным существам, способным найти общую тему для разговора. И еще Сеть позволяет путешествовать.

Чтобы переместиться в другой мир, достаточно четко сформулировать приказ и указать точку перемещения. После того, как приказ отдан, тело путешественника помещается в некий загадочный стасис, а его душа – в ближайшее к точке перемещения тело, способное ее принять. Во всех цивилизованных мирах имеются специальные порталы, в которых хранятся гостевые тела, предназначенные для приема путешественников. Но если путешественник неправильно указал точку перемещения или если точка перемещения

указывает в мир, где нет порталов, Сеть выбирает гостевое тело по собственному усмотрению. Ничего не подозревающее разумное существо неожиданно оказывается контейнером для чужой души, которая распоряжается новообретенным телом по собственному усмотрению и при этом имеет полный доступ к памяти той души, что раньше жила в этом теле. Так произошло и с тем несчастным, чье тело вчера пыталось изнасиловать Таньку.

Оказывается, межпланетное хулиганство весьма распространено во вселенной, по крайней мере, в Сети лежит масса информации по этому поводу. В большинстве миров несанкционированный захват чужого тела считается серьезным преступлением, существует даже несколько организаций, которые ведут борьбу с хулиганами, гастролирующими по разным мирам. Узнав о случае захвата тела, каждое цивилизованное существо обязано сообщить об этом факте по одному из пары тысяч имеющихся в Сети адресов, сигнал будет воспринят и последует адекватная реакция. Интересно, что означает «адекватная реакция» на планете, на которой нет ни одного портала с гостевыми телами? Вот сейчас позвоню я, кому надо, скажу, что видел межпланетного хулигана, на Землю явится группа захвата... Нет, такое приключение нам не нужно.

Я отключился от терминала, упаковал его в тайник, выпил сто грамм коньяка и отправился спать. Завтра у меня будет тяжелый день, а послезавтра – еще тяжелее.

Следующее утро я начал с того, что еще раз позвонил Женьке и сообщил ему, что продолжаю заниматься домашним делом. Женька поинтересовался, когда я доложу о результатах, и я клятвенно заверил его, что завтра.

Первую половину дня я посвятил вскрытию и разборке терминала. То, что я увидел внутри, меня совсем не удивило, я был готов к чему-то подобному. Много резисторов, конденсаторов и катушек, а в центре две баночки с йогуртом, судя по сроку годности на этикетке, протухшим. Я аккуратно вычертил электрическую схему устройства, но понять ее даже не пытался. И так ясно, что ничего не пойму.

Вопреки опасениям, после разборки и сборки терминал сохранил работоспособность. Я подключился к Сети, сказал «прибор», узнал, что в начале октября на Цербере проходила выставка приборов для наблюдений и измерений, и отключился. Теперь осталось провести последний эксперимент.

Остаток дня был убит на составление точного списка всех необходимых деталей, поездку на Митинский рынок, и создание еще одного пистолета и еще одного терминала. В половине десятого вечера моя квартира лишилась третьего комнатного цветка, а в час ночи новый свежесобранный терминал стал объяснять мне, как серверы Сети производят на-

стройку на систему понятий клиента. Из длинной путаной речи я ничего не понял, но это было и не нужно. Цель достигнута, мое творение работает, я убедился, что в конструкции терминала нет ничего сверхъестественного, там вообще нет ничего, кроме проводов, радиодеталей и тухлого йогурта. Вот и хорошо.

7

Обычно, придя на работу, я сразу включаю кофеварку, а потом включаю компьютер и лезу в электронную почту. Это такой ритуал, с него начинается каждый рабочий день и если обстоятельства заставляют от него отступить, я чувствую себя неуютно. Очень редко я делаю исключения по собственной воле.

Сегодня я сделал исключение. Я отпер свой кабинет, отключил сигнализацию, повесил дубленку в шкаф и сразу же направился в кабинет к Женьке.

Женька сразу понял, что произошло нечто экстраординарное.

– Что случилось? – спросил он.

Я неопределенно пожал плечами и указал взглядом на экранированную переговорную. Женька кивнул и через минуту мы сидели за длинным столом на двенадцать персон, а я вытаскивал из сумки инопланетные устройства.

Едва Женька увидел, что я притащил, его лицо вытянулось.

– Это что такое? – спросил он. – Ты... эээ...

– Со мной все в порядке, – оборвал его я. – Крыша пока не поехала. Сейчас все объясню. В этой комнате есть Что-нибудь ненужное?

Я огляделся по сторонам и не обнаружил ничего подходящего на роль мишени. Хотя нет, пластмассовая урна под столом должна подойти.

Я выставил урну на стол, навел на нее пистолет и нажал на спуск. Секунд десять ничего не происходило.

Физиономия Женьки ясно показывала, что он думает по поводу происходящего. Я заглянул в урну и увидел, что дно покрыто ровным слоем белесой трухи.

– На пластмассу почему-то не действует, – констатировал я. – Гляди, там на дне, это была бумага.

Женька соорудил скептическую гримасу и ничего не сказал. Я постучал себя по карманам, выгреб пачку сигарет, положил на стол и выстрелил в нее практически в упор.

Секунды через три пачка стала проминаться, как будто на нее сверху поставили что-то тяжелое. А потом она вдруг дернулась и выпустила клуб непередаваемо вонючего удушливого дыма.

Я обнаружил, что уже не сижу за столом, а стою около кондиционера и тщетно пытаюсь прочихаться, а рядом тем же самым занимается Женька.

– Андрюха, ты сдурел? – выдавил он из себя. – Что это за фокусы?

Я начал злиться.

– Никаких фокусов! – рявкнул я. – Если не веришь, выстрели себе в голову. Или вот...

Я направил пистолет в стену, нажал на спуск и слегка повел стволом. На стене появилась проплешина. К удушливой вони добавился запах цемента.

Женька стал выглядеть чуть более осмысленно.

– Что это было? – спросил он.

– Понятия не имею, – честно признался я. – Полагаю, молекулярный деструктор. Знаешь, в фантастике...

– Где взял? – перебил меня Женька. Похоже, он снова начал соображать.

– Тебе полную историю рассказать или краткую? – спросил я.

– Вначале краткую.

– Если кратко, я отобрал этот девайс у инопланетянина, который пытался изнасиловать мою соседку.

Женька истерически заржал.

– Ты чего? – вздрогнул я.

– Так, нервное. Что за инопланетянин? Зеленый человечек?

Вместо ответа я вытащил из сумки терминал.

– Возьми его в руку, – сказал я, – и скажи ему Что-нибудь.

– Что-нибудь, – сказал Женька, и его брови удивленно

взметнулись вверх. – Какие игрушки? Какие личинки? Какие еще паразиты?

Я отобрал у него терминал и спросил:

– Видишь?

– Что видишь?

– Эта штука – терминал Вселенской Сети. Что-то вроде интернета, только на общевселенском уровне. Поддерживается удаленный поиск информации, переписка, телефон и физическое перемещение.

– Телепортация, что ли?

– Не совсем, тело остается на месте... нет, не совсем остается... но к месту назначения перемещается только душа. Нет, лучше я расскажу всю историю с самого начала.

– Да уж, лучше расскажи, – согласился Женька.

И я начал рассказывать.

8

– Что скажешь? – спросил я, закончив рассказ.

Женька сделал нехилый глоток коньяка и ничего не ответил. Он начал говорить только через минуту.

– Ты эти штуки вскрывал? – спросил он. – Что там внутри?

– Много всяких проводочков, радиодеталей и тухлых молочных продуктов. Я сделал копии обоих устройств, они ра-

ботаю.

– Работают? Получается, кроме проводочков и всего прочего, там больше ничего нет? Никаких... как бы это сказать-то...

– Никаких инопланетных артефактов там нет. Можно хоть сейчас поехать на Митинский рынок и к завтрашнему вечеру напаять десяток таких терминалов. Я уже ползил немного по Сети, я так понимаю, этот терминал – что-то вроде маяка, он не должен быть сложным, вся сложная технология сосредоточена на серверном конце, а здесь...

– С Сетью легко научиться работать? – перебил меня Женька.

– Говорят, не очень трудно. Самое трудное – точно сформулировать запрос. У всех разумных рас разные системы понятий, ты даешь запрос «воспитание детей», а в ответ тебе объясняют, как вытаскивать гусеницу из яйца.

– Понятно... Слушай, Андрюха, ты хоть понимаешь, что за вещь ты откопал?

– А чего тут не понимать? Доступ ко всей галактической информации, тысячи новых технологий...

– Кое-что мне не нравится.

– Что?

– Я не понимаю, чем нам придется расплачиваться.

– Да ничем не придется! Ты пойми, мы для них – варвары. На той планете, где я был, выращивают специальные тела, загружают в них рефлексy, язык и энциклопедию, и предо-

ставляют все это туристам, причем бесплатно. Они знают, что такое деньги, я спрашивал, но сами не пользуются, они эту стадию давно уже переросли. Когда я сказал про деньги тому аборигену, он на меня посмотрел, как на дикаря.

– Ты говорил, у них глаз нет.

– Я имею в виду эмоциональный фон разговора... Понимаешь, у них эмпатия развитая... как бы это сказать... Они как бы понимают эмоции собеседника. И когда я был в том теле, я тоже понимал.

Женька задумчиво кивнул. А потом вдруг спросил:

– Так, значит, надо просто назвать координаты и сказать «хочу переместиться»?

Я не успел ответить, потому что в переговорную вошла Ирочка.

– Не все так просто, – заявила она. – Надо еще предупредить сотрудников портала.

У Женьки аж глаза на лоб полезли. Он пробормотал:

– Ирка, ты что...

– Кажется, это не Ирка, – сказал я.

И на всякий случай сунул руку в карман, где лежал второй пистолет—деструктор, изготовленный мною вчерашним вечером.

– Эта ерунда тебе не поможет, – провозгласила Ирочка. – Деструктор не убивает мгновенно, я успею вернуться и если мне придется вернуться, я вернусь не для того, чтобы разговаривать.

– Вы из межзвездной полиции? – предположил я.

Ирочка кивнула.

– Можно и так сказать, – заявила она. – Я специальный агент Джеймс Бонд.

Женька хрюкнул и стал сползать под стол. Ирочка уставилась на него с любопытством.

– Что это с ним? – спросила она.

– Не волнуйся, это истерическое, – сказал я. – Эмоциональная реакция. Он только что узнал про Сеть, с этим знанием трудно свыкнуться.

– Зачем ты ему рассказал? – спросила Ирочка. – Захотел поиграть в маленького бога? Привести примитивную расу в светлое будущее? Мало тебе предыдущих подвигов? Знаешь, чем такие попытки обычно кончаются?

– Чем?

Ирочка неожиданно озверела.

– Не морочь мне голову! – заорала она. – Мы все про тебя знаем! Ты пришел в этот мир с самодельного терминала в Богоне, а туда ты вошел с космического челнока из системы Хеннеси. Это было ошибкой, мы проследили твой путь. У Хеннеси тебя ждет ионный пульсар, попробуешь убежать – в исходную точку вернуться не успеешь, пульсар сожжет твой корабль быстрее, чем твои тупые мозги успеют дать команду. У тебя только один шанс сохранить жизнь и ты знаешь, какой.

– Сотрудничать со следствием? – предположил я.

– Вот именно!

– А в чем меня обвиняют?

Ирочка состроила такую физиономию, как будто хотела многоэтажно выругаться, но не смогла подобрать подходящих слов.

– Ты еще будешь невинность строить! – возмутилась она. – Ладно, я перечислю. Шесть доказанных случаев захвата тела плюс тридцать с чем-то разных преступлений по местным законам пяти миров. Этого хватит на десять смертных казней.

– Простите, – я скорчил невинную физиономию, – а вы уверены, что я именно тот, за кем вы охотитесь?

– А кто же еще? Может, ты еще скажешь, что здесь родился, про Сеть только вчера узнал, а деструктор у бандита отобрал?

– Да, – согласился я, – все так и было, только про Сеть я узнал не вчера, а позавчера.

Ирочка протянула руку к лежащему на столе терминалу, прикрыла глаза и недовольно поморщилась.

– Качество приема безобразное, – заметила она.

С минуту она стояла неподвижно, как статуя, с закрытыми глазами и протянутой рукой, а потом вдруг открыла глаза и теперь в них больше не было гнева.

– Приношу глубокие и искренние извинения, – сказала она, – вы действительно не тот, за кем мы охотимся. Сниффер зафиксировал... неважно. Но как вы сумели отобрать у

него деструктор?

Я хотел было все ей наглядно продемонстрировать, но вовремя опомнился. Инопланетная баба уйдет, Ирочка вернется в свое тело, и именно ей придется расхлебывать последствия. Поэтому я не стал показывать прием, я просто сказал.

– Я неплохо дерусь.

Ирочка задумчиво подергала мочку уха, как всегда делала, когда над чем-то напряженно размышляла. Это бывало редко.

– Комитет защиты порядка не имеет к вам претензий, – заявила она после долгой паузы. – Перед тем, как начнете активно работать с Сетью, тщательно изучите правила пользования. Не забывайте, что незнание законов не освобождает от ответственности.

– Так проинструктируйте нас, – подал голос Женька. – А то вдруг совершим по незнанию какое-нибудь преступление, а вам потом придется нас ловить.

– Инструктирование пользователей не входит в мои обязанности, – высокомерно провозгласила Ирочка. – Я уйду.

– Подождите! – воскликнул Женька. – Вы можете ответить на несколько вопросов?

– Только на один.

– Как давно Земля подключена к Сети?

– Возьми терминал и узнай, – заявила Ирочка. – Все, прощайте и больше мне не попадайтесь.

Снова я почувствовал нечто неопишемое обычными сло-

вами. За пределами трех измерений привычного мира что-то произошло, и Ирочка снова стала Ирочкой. Она опустилась на стул и обвела комнату отсутствующими глазами.

– Ну что? – спросил Женька.

Ирочка растерянно помотала головой.

– Как я сюда попала? – спросила она.

– Ничего не помнишь? – уточнил Женька.

Ирочка снова помотала головой.

– Ничего страшного, – Женька попытался соорудить максимально добрую улыбку. – Все нормально. Иди обратно в приемную, посиди там.

Ирочка снова затеребила мочку уха.

– Со мной что-то не так, – выдала она потрясающе глубокую и неожиданную мысль.

– Наверное, переутомилась, – предположил Женька. – Езжай домой, отдохни, завтра будет лучше.

– Да, я, пожалуй, поеду, – согласилась Ирочка и встала. – А что я здесь делала?

– Ничего, – сказал Женька с честными глазами. – Зашла, села, пару минут сидела неподвижно, а потом как будто очнулась. Езжай домой, отдохни. Если хочешь, можешь завтра не приезжать, отдохни как следует.

Ирочка ушла. Женька убедился, что звуконепроницаемая дверь заперта, повернулся ко мне, и витиевато выругался.

– Ага, – подтвердил я. – Оно самое.

– И что теперь делать? – задал Женька риторический во-

прос.

Я задумался. И в самом деле, что делать?

– Для начала полазить по этой Сети как следует, – сказал я. – Разобраться, что там к чему. А то еще припрется очередной Джеймс Бонд и приговорит к десяти смертным казням.

– А с этим что делать? – Женька кивнул в сторону валяющегося на столе деструктора.

– Понятия не имею. Как оружие он неплох, да и под категорию огнестрельного явно не подпадает, но, с другой стороны, на хрена он нам с тобой? Разве что для самообороны.

– Можно запатентовать, – предложил Женька.

– Представляешь, сколько ФСБшников набежит?

Женька состроил презрительную гримасу. До того, как основать охранную фирму, он четырнадцать лет проработал в ФСБ, и традиционного для России страха перед спецслужбами не испытывал.

– Думаешь, они поверят, что мы с тобой эту конструкцию сами придумали? – продолжал я.

Женька отрицательно помотал головой.

– Можно сказать, что ты нашел его на улице или, там, в подъезде на лестнице. Подобрал из любопытства, прицелился в потолок, нажал на спуск, удивился, решил разобрать, ну и так далее.

– Думаешь, поверят?

– А куда они денутся? В такую историю проще поверить, чем в инопланетян.

И тут я вспомнил кое-что важное.

– Знаешь, Жень, – сказал я, – та амеба на Триларе говорила, что Земля уже давно подключена к Сети.

– И что?

– Ты уверен, что ФСБ не знает про Сеть?

Женька задумался.

– Если бы они знали, – сказал он, – мы бы сейчас ездили в отпуск не в Анталию, а на Марс. Сколько времени нужно копаться в Сети, чтобы наткнуться на полезную технологию?

– Долго. Представь себе, что ты папуас, подключившийся к интернету. Допустим, ты нашел чертежи винтовки. Но ты не сможешь сделать винтовку, потому что тебе потребуется металл, станки, пироксилин, капсули и еще сотня других вещей. Или, допустим, ты узнал, что самая лучшая тетива для лука получается из пластиковой лески. Но где ты леску возьмешь?

– А если я найду инструкцию, как сделать арбалет?

– Ну...

– Разве этого мало? В средневековой Европе изобретение арбалета очень многое поменяло. И учти еще, что не всякое революционное открытие связано с техникой. Например, папуас всю жизнь думал, что коровье бешенство – наказание богов, и вдруг узнал, что оно передается через каннибализм.

– А когда он поделился этим откровением, все подумали, что он нарушает заветы предков, и съели его, чтобы не смущал молодежь.

– Тоже не исключено. Но я не к тому говорю. Сделать простейший электрогенератор может даже папуас, главное, чтобы в наличии было железо или хотя бы медь. А как только в стране появляется электричество... А ведь есть еще всякие гуманитарные науки... И вообще, неужели ты собираешься засунуть эти штуки в сейф и никогда ими не пользоваться?

– Я еще сам не знаю, что собираюсь делать. Меня смущает то, что Земля давно подключена к Сети, но об этом никто не знает. Почему?

– Понятия не имею. Может, мы в их формат не вписываемся, слишком агрессивные или, там, слишком тупые.

– Если так, неужели другим мирам понравится, что Земля получит неограниченный доступ к Сети?

– Неограниченный? Разве в Сети нет участков ограниченного доступа?

– Не цепляйся к словам. Ограниченный доступ.

– Думаешь, это они нас не пускают, а не мы не лезем?

– Без понятия. Надо в Сети посмотреть.

– Попробуй, но только вряд ли что-то получится.

– Почему?

– Вряд ли эта информация лежит в открытом доступе.

– Попробовать стоит.

– Попробуй. А пистолет все—таки надо запатентовать, хуже не будет.

– А если будет?

Женька пожал плечами.

– Я не бог, – сказал он, – я не могу все знать точно. Но, по-моему, хуже не будет. Допустим, инопланетяне не хотят нас пускать в свою компанию. Почему тогда они не отобрали у нас терминалы?

– Это бессмысленно. Новый терминал можно спаять за три часа.

– Тогда почему нас не замочили?

– Может, запрет какой—нибудь религиозный.

– Эта Джеймс Бонд говорила, что у них практикуется смертная казнь, – заметил Женька. – Нет, я думаю, нас не замочили по другой причине. Просто потому, что им наплевать, войдем мы в Сеть или нет. Они охотились за тем уродом, который хотел трахнуть твою соседку, они подумали... Точно! Они запеленговали твой терминал, решили, что ты – это он, и собрались арестовать. Знаешь, как она поняла, что ты – это не он?

– Знал бы прикуп – жил бы в Сочи. Она про какой-то сниффер говорила... А ты почувствовал, когда она ушла?

– Кто она?

– Ну эта, Джеймс Бонд.

– Да, было что-то такое, на секунду было ощущение, как будто перепил и сейчас вырублюсь. А почему, кстати, она Джеймсом Бондом назвалась? Откуда она знает, кто такой Джеймс Бонд?

– От Ирки. Я же тебе говорил, новому хозяину тело достается вместе с памятью. Тебя ведь не удивляет, что она по-

русски говорила, а не по-инопланетянски?

— Охренеть можно. Ну да ладно. Предлагаю пока считать, что чужим на нас наплевать. Аргументы против есть?

Я пожал плечами:

— Вроде нет.

— Тогда начинай готовить документы для патентного бюро, образцы я тебе достану. И не бойся, спецслужбы я беру на себя.

— А справишься?

— Должен справиться. Сам подумай, не упускать же такой шанс!

Да, Женька прав, такой шанс упускать нельзя.

9

Как выяснилось, запатентовать молекулярный деструктор — куда более сложная задача, чем казалось поначалу. Дело в том, что когда тебе выдают патент, он распространяется не на то, что ты открыл, а на то, что ты написал в заявке. Химик, впервые синтезировавший стрептоцид, описал его в заявке как порошок красного цвета, а через несколько лет другой химик синтезировал стрептоцид белого цвета и первый патент приказал долго жить. Если я в заявке точно опишу конструкцию деструктора, а потом кто—нибудь заменит тухлый сыр на тухлую брынзу, то на новую конструкцию па-

тент распространяться не будет. Чтобы патент нельзя было обойти, надо патентовать сам принцип работы устройства, но для этого надо вначале самому понять этот принцип, а это не так просто, как хотелось бы.

И еще меня смущало то, с какой настойчивостью Женька требовал, чтобы мы получили патент. Кого волнует в условиях пещерного российского капитализма, что запатентовано, а что нет? Теоретически, можно попробовать продать патент за рубеж, но спецслужбы продать такую вещь точно не позволят. Но Женька продолжал настаивать, не объясняя причин.

Я целыми днями сидел в Сети и пытался понять, как же работает этот чертов пистолет. Кое-что понять удалось.

Я понял, почему на пистолете не было предохранителя. Он не нужен, потому что деструктор приводится в действие не нажатием на спусковой крючок, а мысленной командой. Оказывается, астральное поле, о котором так любят говорить выжившие из ума ясновидящие, все—таки существует. Оно как-то воздействует на бактерии и грибки, живущие в набитой в ствол протухшей органике. Они в свою очередь излучают какое-то другое ментальное поле, а электромагнитное поле, образуемое оплеткой вокруг ствола, фокусирует это другое поле и направляет его в направлении ствола. Бред, но это работает.

Вместо протухшего сыра можно использовать любую другую органическую субстанцию, в которой много бактерий и

примитивных грибков. Более продвинутые организмы (черви, насекомые, улитки) почему-то не годятся. Существа, используемые как преломители загадочного астрального поля, живут в деструкторе очень недолго, потому что быстро получают губительную дозу этого самого поля. Экспериментальным путем я установил, что сыр в стволе деструктора следует менять каждый день, а новую порцию, перед тем, как зарядить, лучше три—четыре дня выдержать в тепле, причем если выдерживать сыр в герметичном целлофановом пакете, деструктор работает хуже, чем если сыр тухнет на открытом воздухе.

Гниющие растения для применения в деструкторе не годятся. Тухлое мясо кое-как работает, но очень плохо — после двух—трех выстрелов требуется перезарядка. Наилучший результат достигается при использовании сыра, не зря инопланетный хулиган засунул в ствол пистолета именно его. Сорт сыра большой роли не играет. «Гауда» работает чуть лучше, чем другие сорта, но разница в количественных показателях составляет считанные проценты.

Теперь несколько слов об электрической схеме деструктора. Главное в ней не то, в каком порядке соединены резисторы и конденсаторы, а то, какой узор образуют соединяющие их провода. Собственно, резисторы и конденсаторы нужны только для того, чтобы скомпенсировать погрешности в форме оплетки, неизбежные при ручном изготовлении агрегата. Если изготавливать деструктор промышленным способом, они

не нужны, при этом и расход энергии снизится на несколько порядков.

Информацию о смысле электрической схемы я получил из Сети. Чем дольше я работаю с Сетью, тем проще становится добывать оттуда информацию. Триларская амеба была права – к Сети надо привыкнуть.

Я узнал о деструкторах очень много. Если в электрической оплетке вместо обычных проводов использовать сверхпроводники, дальнобойность возрастает более чем в сто раз. А если применять какие-то загадочные силовые линии, заметного повышения эксплуатационных качеств не будет, а ресурс органической части деструктора заметно снизится и потому с силовыми линиями лучше не связываться.

В деструкторах, производимых промышленным способом, тухлый сыр не используется. Вместо него в ствол вставляют специальные патроны, состоящие из нескольких отсеков, в каждом из которых живут свои виды примитивных живых существ. Грамотно сконструированный патрон позволяет ручному деструктору с одного выстрела разнести в прах полуметровую стену, причем если стрелять не в упор, а с трехсотметровой дистанции. При этом затраты электроэнергии измеряются милливаттами, а патрона хватает минуты на две непрерывного излучения. Страшно подумать, что может натворить диверсант, вооруженный таким ружьем.

Добравшись до этого места, я задумался, почему вся эта информация оказалась в открытом доступе. Здравый смысл

требуется, чтобы она была засекречена.

Отгадка оказалась простой. Сервер, с которого я почерпнул последние данные, физически расположен на Триларе, на той самой планете, на которой я побывал в теле амебы. В жидкой среде деструкторы не работают, двухметровый слой воды или аммиака надежно гасит разрушающий луч любой мощности. Триларцы не опасаются того, что межпланетный хулиган применит это оружие против них, и потому не считают нужным засекречивать соответствующую информацию. Интересно, куда другие расы смотрят?

Только одна вещь осталась для меня тайной – какой именно узор должна образовывать электрическая оплетка вокруг трубки с тухлым сыром. Информации в Сети хватало, но она была выше моего понимания, я чувствовал себя дикарем, впервые в жизни увидевшим дифференциальное уравнение. Я понимал, что форма оплетки описывается несложными уравнениями, но какими именно, я не понимал. Может, показать их какому-нибудь ученому? Но как? Я не математик и не физик, я воспринимаю правила построения оплетки деструктора не как формулы, а как текст, я могу записать его на бумагу и показать кому угодно, но что поймет тот, кому их показывают? Пару лет назад у меня был один клиент с математическим образованием, однажды мы пили с ним водку и разговор непонятно как перешел на математику. Тот мужик вдруг сказал, что комплекснозначный интеграл по замкнутому контуру равен сумме вычетов внутри

контура. Сам не понимаю, почему и зачем, я запомнил эти слова, хотя они и звучат для меня как заклинание. А теперь представьте себе, что человек с тремя классами образования попытается сформулировать эту теорему на понятном для него языке. Брр...

Я попробовал поэкспериментировать с разными формами оплетки, но в результате первого же эксперимента лишился одной дверцы навесного кухонного шкафчика – разрушающий луч почему-то ударил не вперед, а вбок. А если он расфокусируется и начнет светить во все стороны одновременно? Нет, с такими вещами лучше не экспериментировать.

10

– Вот такие дела, – закончил я свою речь.

– Думаешь, другого выхода нет? – спросил Женька.

– Почему же нет, есть. Можно ограничиться одной конкретной конструкцией, но тогда наш патент долго не продержится. И вообще, не понимаю я, на кой тебе сдался этот патент? Неужели собираешься бабки заработать?

Женька скорчил страдальческую гримасу и отрицательно помотал головой.

– Я не настолько наивен, – сказал он, – я преследую гораздо более простую цель. Воспользоваться этим открытием и остаться в живых.

— А причем тут патент?

— А какие альтернативы? Можно пойти в какую—нибудь фирму и сказать, вот у нас тут экспериментальный образец принципиально нового оружия, вы давайте его производите, а мы будем получать пятьдесят процентов прибыли. Да пусть даже один процент, все равно деструктор отберут, а нас с тобой замочат. Можно обратиться в ФСБ, это, кстати, непросто, безумные изобретатели к ним ломаются по несколько штук в день. Но, допустим, я сумею. Деструктор отберут, а с нас с тобой возьмут подписку или вообще посадят на всякий случай. В лучшем случае отвезут в секретный город и будем там куковать всю оставшуюся жизнь.

— А если отнести деструктор в какую—нибудь газету или на телевидение?

— Думаешь, мы первые? Знаешь, сколько разных придурков приходит на телевидение со своими открытиями? Я на медни смотрел одну передачу, там компанию идиотов показывали, они машину времени строят. Соорудили шаровую камеру, а внутри создали магнитное поле колоссальной мощности.

— А причем здесь машина времени?

— Они утверждают, что внутри камеры течение времени замедляется на секунду в час. Если время измеряют электронными часами, то неудивительно.

— Тогда нас и из патентного бюро пошлют.

— Оттуда не пошлют. Патент получить нетрудно, надо про-

сто заплатить сколько надо, и еще чтобы в документах не было явных противоречий. К тому времени, когда мы получим патент, никто не будет в курсе, что это не бред, а настоящее открытие.

– А дальше что?

– Дальше надо немного подождать, а потом идти либо на телевидение, либо в ФСБ, а лучше и туда, и туда. Есть международный договор о взаимном признании патентов, российские патенты автоматически тиражируются в зарубежные базы данных, а оттуда убрать информацию очень трудно.

– Ну, не знаю... По-моему, ребячество какое-то.

– Другие предложения у тебя есть?

– Может, лучше совсем не высываться?

Женька тяжело вздохнул.

– Может, ты и прав, – сказал он. – Спрятать артефакты в сейф и делать вид, что их никогда не было. Или вообще навсегда уйти в Сеть, вечно бродить по разным мирам. Только зачем?

– А зачем ты живешь?

– А ты зачем живешь? Нет, Андрюха, можешь считать меня идиотом, но я считаю, что люди должны узнать об этих вещах.

– Тогда давай наделаем сотню терминалов и раздадим на улице бомжам. Информация должна быть свободной.

– Манифест киберпанка не ты писал? Шучу. Не знаю я, что делать. Тот вариант, что я предлагаю, по-моему, самый

правильный, потому что компромиссный. На самый худой конец, можно действительно в Сеть уйти, там нас точно никто не достанет.

– Кроме комитета защиты порядка.

– Какого комитета... а, инопланетяне эти. Мы постараемся не нарушать их законы.

– А ты их знаешь?

– Кого?

– Законы.

– Ну... Я так понимаю, в чужое тело нельзя влезать без спроса, а все остальное... наверняка туристов должны инструктировать при въезде. Скорее всего, все законы можно прочитать прямо в Сети.

– На Триларе меня никто не инструктировал.

– Там тебя всю дорогу абориген сопровождал. Если бы ты начал делать что-то незаконное, он бы вмешался.

– Да, наверное. Ладно, – я махнул рукой, – делай, как знаешь.

Женька просиял лицом.

– О'кей, – сказал он. – Начинаю искать физика.

11

Основные	характеристики	планеты
45344444138623434444163764434441663844344		вполне

типичны для двойной планеты внутреннего пояса умеренно крупной одиночной звезды, занимающей среднюю позицию на главной последовательности. Из заметных аномалий следует отметить необычно высокое содержание алюминия в планетарной коре, а также уникальную конфигурацию океанских течений, приводящую к ряду климатических аномалий.

Планета населена большим количеством разнообразных жизненных форм. Биосфера эволюционного типа, основная элементная база – углерод—кислород—азот, в незначительном количестве имеются жизненные формы с элементной базой углерод—сера—азот. Разделение на растения и животных четкое, промежуточные формы примитивны и немногочисленны. Высшие растения отсутствуют. Среди мелких животных преобладают жизненные формы с внешним скелетом, среди крупных – с внутренним. Бесскелетные формы встречаются редко, только среди низших существ. Все высшие животные имеют внутренний скелет, замкнутую кровеносную систему двухконтурного типа, легочное дыхание и четыре трехзвенные конечности, два внутренних звена жесткие, внешнее – мультишарнирного типа.

На планете обитает единственная разумная раса – всеядное наземное существо средних размеров, типичный представитель класса гуманоидов. Имеет три (по неподтвержденным данным, четыре) эндемические породы, все скрещиваются между собой и дают устойчивое потомство. Морфо-

логические отличия между породами незначительны, равно как и отличия от эволюционного предка. Боевые органы атрофировались в ходе эволюции два—три ароморфоза назад. Интеллект очень неустойчив, у отдельных особей может достигать 150—180 у.е., но в среднем варьируется в пределах 60—90 у.е. Наблюдается выраженная корреляция между интеллектом особи и ее ареалом обитания.

Культура умеренно примитивная, с выраженными географическими различиями. Средняя агрессивность культуры составляет около 220 у.е., что ставит рассматриваемую расу в один ряд с хищными существами. Обращают на себя внимание необычно большие различия градиента и модуля культуры для разных особей.

Искусство умеренно развитое, характерна пассивная направленность. Средняя агрессивность искусства достигает 300 у.е., наблюдается тенденция к дальнейшему росту. Вероятно, имеют место временные флуктуации.

Наука технократическая, умеренно примитивная. Компьютеры неинтеллектуальные, на полупроводниковой элементной базе. Энергетика переходная от химической к ядерной. Биотехнология в зачаточном состоянии. Психотехнология неразвита.

Общественная структура децентрализованная, конкурентная. Многочисленные проявления варварства. Показатель насыщения потребностей варьируется в пределах 10%—60%, наблюдаются выраженный географический тренд.

Первый контакт состоялся в 1989 году при участии Джарского исследовательского центра. Статус планеты: к посещению не рекомендуется.

12

Женька позвонил и сказал, что профессор приедет ко мне через час.

– Ты дал ему мой адрес? – возмутился я.

– А что такого? – удивился Женька. – Ты у нас по легенде продвинутый эзотерик, получил откровение из Шандалы...

– Шамбалы.

– Чего?

– Не из Шандалы, а из Шамбалы.

– Да? Вот видишь, говоришь, как настоящий эзотерик, – Женька хихикнул. – Так вот, ты получил откровение из Шамбалы, узрел небесный свет инопланетной мудрости...

– Ты рассказал ему про инопланетян?!

– Да, рассказал. А что такого? Все эзотерические пророки получают откровения либо от инопланетян, либо из параллельных измерений, либо из будущего, либо из прошлого. Все равно профессору наплевать, откуда у тебя эти данные, главное, что они у тебя есть.

– Он прочитал файлы, которые я тебе переслал?

– Прочитал и очень возбудился. Говорит, что на третьей

странице упоминается какая-то теорема, за доказательство которой обещают большие бабки и великий почет. Причем по контексту видно, что автор текста воспринимает это утверждение как само собой разумеющееся.

— Может, для автора текста оно и есть само собой разумеющееся. Может, этот текст сочинил какой—нибудь разумный бублик, который в двоичной системе думает.

— Может, и так. Только профессор считает, что в Шамбале должно быть доказательство. Когда решим главную задачу, поможешь ему найти.

— А если не получится?

— Тогда ему не повезет.

— Я имею в виду, если не получится главную задачу решить.

— Тогда будем искать другого профессора.

В дверь позвонили. Я поспешно попрощался с Женькой и пошел в прихожую. Перед тем, как открыть дверь, я посмотрел в глазок, а увидев гостя, на всякий случай снял с полки деструктор.

Человеку, который позвонил в дверь, было лет двадцать пять, самое большее, тридцать. Это был двухметровый коротко стриженный амбал с приплюснутыми ушами, как у боксера. Одет он был, однако, не в спортивную куртку и штаны с лампасами, а в довольно приличную дубленку и потертые джинсы. И в глазах его не было той звериной самоуверенности, что характерна для молодых бандитов.

– Здравствуйте, – поприветствовал меня посетитель. – Вы Андрей Николаевич?

– Да, – ответил я с некоторым недоумением. – А вы...

– Профессор Крутых, – представился посетитель и смущенно улыбнулся. – Можно просто Паша.

Я подавил глупую ухмылку. Профессор, да еще и Крутых... иногда в жизни попадаются такие персонажи, что хоть сразу на anekdot.ru посылай.

– Тогда я просто Андрей, – сказал я. – Раздевайся, проходи.

Пока Паша раздевался, мы с ним искоса разглядывали друг друга. Должно быть, я для него был таким же странным, как он и для меня – какой-то сумасшедший, который вдруг стал нести бред, очень похожий на формулировки теорем высшей математики.

Я провел его на кухню, мне показалось, так будет проще наладить контакт.

– По пиву? – предложил я.

– И оформим сделку, – закончил Паша и ухмыльнулся.

Он тоже видел эту рекламу.

– «Хольстена» нет, – сообщил я. – Есть «Афанасий», «Балтика» и еще чуть—чуть «Стеллы Артуа» завалялось.

«Стеллу Артуа» любила Машка. Я посмотрел на календарь и с удивлением сообразил, что прошло уже больше двух месяцев с тех пор, как она ушла. В первые дни я буквально лез на стену от тоски, а с тех пор, как в мою жизнь вошли

инопланетяне, я о ней даже не вспоминал. Правильно сказал кто-то из классиков – все проходит, даже любовь.

– Доставай Что-нибудь, – сказал Паша. – Если б знал, я бы с собой принес.

– Да ладно, – махнул я рукой. – Мне не жалко.

– Импортное пиво принципиально не пьешь?

Я пожал плечами.

– Раньше пил, – сказал я, – до дефолта. А потом перешел на наше, да и привык как-то. А ты импортное предпочитаешь?

– Да мне все равно, – махнул рукой Паша. – Доставай хоть Что-нибудь. Нет, лучше светлое, если можно.

Я достал из холодильника бутылку темного «Афанасия» для себя и бутылку светлого для Паши. Далее я извлек из настенного шкафчика две пивные кружки и пакет с фисташками, которые высыпал в миску. Теперь можно начинать разговор.

Паша отхлебнул пива, съел фисташку и сказал:

– Ну, рассказывай. Что за откровение из Шамбалы?

Я на мгновение задумался и сделал выбор.

– Знаешь, Паша, – сказал я, – давай не будем морочить друг другу голову. У меня есть информация, которую я не понимаю, но которую хочу понять. У тебя есть желание получить некую другую информацию, тоже вполне определенную. У меня есть источник данных, с которым я могу работать, но не всегда понимаю, что он выдает. Ты мне поможешь

разобраться в том, что нужно мне, а я попробую найти то, что нужно тебе. Идет?

– Но все—таки, что за источник? – не унимался Паша.

– А оно тебе важно? Допустим, я установил контакт с инопланетным интернетом посредством специального передатчика, который отобрал у одного наркомана в подъезде.

– Не хочешь, не говори, – заявил Паша и, кажется, чуть—чуть обиделся.

Зря, я ведь сказал чистую правду.

– Давай лучше перейдем к делу, – предложил Паша.

Он сходил в прихожую, притащил на кухню потрепанную и грязноватую кожаную сумку, и выложил на стол пачку листов А4, отпечатанных на лазерном принтере. Я заметил, что на оборотных сторонах напечатан какой-то научный текст с большим количеством формул.

– Я так понимаю, – сказал Паша, – тебе нужно перевести на русский язык вот эти уравнения, – он показал пальцем.

Я посмотрел, куда он указывает, и увидел, что он безошибочно выделил в сумбурном тексте самое главное. Я его даже зауважал.

– Да, именно это, – согласился я. – У тебя есть какие—нибудь идеи, что это может означать?

– Здесь описываются закономерности какого-то поля, – сказал Паша. – Поле очень странное, такое впечатление, что оно действует в неевклидовом пространстве. Я бы даже сказал, что измерений пространства должно быть пять—шесть,

причем не все изотропные.

– Какие?

– Не все одинаковые. Как бы это сказать... Ну, скажем, евклидово пространство изотропно по всем направлениям, а пространство-время – нет.

– Я понял. Да, это вполне может быть.

Паша испытующе заглянул мне в глаза.

– Ты что-то знаешь о природе этого поля? – спросил он.

– Я предполагаю, что оно может быть связано с... – я щелкнул пальцами, безуспешно пытаюсь подобрать нужное слово. – Астрал, телепатия, биоэнергетика... Что-то в этом духе.

Паша соорудил презрительную гримасу.

– В самом деле веришь в эту ахинею? – поинтересовался он.

– Верю, – сказал я. – У меня есть убедительные доказательства. Может, я их и тебе покажу, но попозже.

– А может, сейчас? Это поможет в дальнейшем.

– Лучше не надо. А то станешь еще невыездным...

– Все так серьезно? – Паша удивленно приподнял брови.

– Все еще серьезнее, – отрезал я. – Так что ты хотел уточнить?

– Для начала мне нужно точное описание пространства, в котором действуют эти формулы.

– Сейчас попробую, – сказал я и потянулся мыслью к терминалу, заблаговременно спрятанному в ящик кухонного

стола.

Минут через пять я был вынужден признать свое поражение. Во всех текстах, которые выдавала Сеть по моему запросу, пространство, в котором происходят описываемые процессы, никак не описывалось. Должно быть, считается, что и ежу понятно, что это за пространство.

– Не понимаю, – сказал я. – В этом направлении ничего не получается.

– А в других направлениях? – не унимался Паша.

Судя по его лицу, он был уверен, что столкнулся с шарлатаном.

Я вздохнул и начал зачитывать вслух очередной текст:

– Раньше мы уверились, что формулирование уравнения Эндора даже для таких азбучных материальных систем, как бактерия, приводит к довольно сложной математической задаче. В натуре, при росте числа крупниц в системе, задача еще более усложнится. На сегодняшний день четких формулировок уравнения Эндора для систем многих крупниц грызть не удастся.

– Чего не удастся? – переспросил Паша.

– Грызть не удастся. Должно быть, инопланетный жаргон. Типа, грызть гранит науки.

– Понятно. Это инопланетяне тебе сообщают всякие формулы?

– Разве тебе Женька не говорил?

– Он говорил, твои откровения из Шандалы. Наверное,

имел в виду, из Шамбалы.

Я пожал плечами и сказал:

– Какая разница, откуда откровения? Главное, что в них есть смысл.

– Ну, не знаю... – протянул Паша и вдруг сказал: – Сформулируй мне уравнение Шредингера.

Я обратился к терминалу и, к собственному удивлению, немедленно получил четкий ответ.

Я взял ручку, оторвал стикер от пачки, лежащей на кофеварке, и написал на нем три строчки. Далее я отдал стикер Паше, а вслух сказал:

– Эф от пси здесь произвольная гладкая функция, лямбда – константа. Это уравнение инвариантно относительно следующих алгебр... для произвольной гладкой функции базисные элементы алгебры инвариантности... тут много писать надо.

Паша отложил стикер в сторону, взял кружку и сделал большой глоток. А потом спросил:

– Ты где учился?

– В Рязанском воздушно—десантном, – честно признался я.

– У вас там изучают квантовую механику?

– Самым научным предметом у нас была военная топография.

– Значит, тебе инопланетяне подсказали. А почему они на этот раз воспользовались человеческими обозначениями?

– А я откуда знаю? По-моему, у них там что-то вроде интернета. Я как бы опрашиваю их поисковую систему, а она мне выдает нечто похожее на то, что я спрашиваю. Наверное, они и наш интернет к себе подключили.

– И давно они на Земле? – неожиданно спросил Паша.

– С 1989 года.

– И до сих пор никак не проявились, кроме как летающими тарелками?

– Нет, – я помотал головой, – летающие тарелки – это не они.

– Откуда знаешь?

– Да уж знаю.

Паша сделал еще один крупный глоток. Некоторое время он ел фисташки, молчал и о чем-то думал. А потом сказал:

– Ты многое недоговариваешь.

Я молча кивнул.

– Может, все—таки расскажешь? – спросил Паша. – Так будет проще работать.

– Не все зависит от меня, – сказал я.

А про себя подумал – а может, и вправду все ему рассказать? Ему будет намного проще разобраться во всей этой научной пурге.

– Сейчас, – сказал я, – Женьке позвоню.

Я пошел было к телефону, но подумал: почему бы не воспользоваться терминалом? Наверняка второй терминал Женька держит под рукой, а значит, ничто не мешает пого-

ворить с ним, не прибегая к услугам звуковой речи. Но нет, слишком поздно. Если Женька откажется посвящать Пашу в суть дела, будет трудно объяснить юному профессору, каким таким хитрым образом инопланетный астрал помог мне объясниться с нормальным земным человеком.

Я вышел в прихожую, взял мобилу и удалился с ней в комнату. Можно было позвонить и с обычного телефона, но я не знаю, где сейчас Женька, звонить собираюсь на сотовый, а звонить на мобилу с городского телефона неприлично – ты хочешь говорить, ты и плати.

– Ничего не получается, – сказал я после короткого обмена приветствиями.

– В чем проблема? – спросил Женька.

– Он задает конкретные вопросы, а я не могу на них ответить, в Сети нет информации. Точнее, нет, она есть, но я не могу понять, та это информация или не та. Он спросил, в каком пространстве работают те самые уравнения, я полазил по Сети, а там ничего не написано. То есть, там наверняка все написано, только я не понимаю, где. Там может не быть слова «пространство», оно может называться как-то по-другому. Ты же знаешь, как они формулируют свои мысли.

– По-разному они формулируют, – сказал Женька, – иногда очень даже странно. Ладно, я понял проблему. Что ты предлагаешь?

– Все рассказать этому Паше.

– Что он за человек? Нормальный мужик?

– Вроде нормальный.

– Во всем разобраться сумеет?

– Думаю, сумеет.

– Тогда рассказывай. Все равно скоро придется всем все рассказать.

– Хорошо. Счастливо.

Я вернулся на кухню, выпил полкружки одним глотком и сказал:

– Слушай сюда.

13

Я закончил свою речь и полез в холодильник за очередной бутылкой.

– А где этот терминал? – спросил Паша.

– Ах да, совсем забыл. В ящике стола. Сейчас достану.

Вот он.

– Надо взять его в руку и спросить?

– Брать в руку необязательно. Надо просто, чтобы он был рядом.

– Насколько рядом?

– Не знаю. Я опытов не ставил, я же не ученый.

– Можно, я его поспрашиваю? – спросил Паша.

– Пожалуйста.

Паша уставился на обмотанный скотчем пенал как баран

на новые ворота.

– У них там есть университеты, – сообщил он через пару минут.

– Да? – глупо переспросил я.

Как же мы с Женькой не догадались! Надо было не перелопачивать горы астральных документов, а физически переместиться в университет, зайти в местную библиотеку и спокойно все прочитать. Должны же у них быть учебники для младших курсов! Или, еще лучше, специальные учебники для студентов из отсталых миров, вроде нашего.

– Не догадался поискать? – поинтересовался Паша.

На его лице отобразилось плохо скрываемое чувство собственного превосходства.

А потом я почувствовал, как в иных измерениях пространства зашевелилось нечто.

– Ты что делаешь, гад?! – завопил я. – Прекрати немедленно! Надо сначала связаться с порталом! И вообще, ты не знаешь, как возвращаться!

Я попытался выхватить терминал из Пашиных рук, но не успел. Профессор—мордоворот бесследно исчез, мои руки схватили только одна другую. Вместе с профессором исчез и терминал.

Узнав о происшедшем, Женька долго ругался.

– Ну ты, блин, даешь! Ну кто тебя просил ему терминал в руки давать?!

– Ты же сам разрешил ему все рассказать, – я безуспешно пытался оправдаться.

– Рассказать, но в руки не давать!

– А как он должен был с ним работать?

– Из твоих рук. Черт, такую вещь упустили! Ладно, эмоции отставить. Чертежи у тебя сохранились?

– Какие чертежи?

– Чертежи терминала.

– Да разве это чертежи? Просто картинки.

– Наплевать. Езжай в Митино, будешь паять новый терминал. А лучше сразу три.

– Зачем три?

– На всякий случай. Мой терминал тебе нужен?

– Зачем?

– Ну, как эталон, например.

– Думаю, и так справлюсь.

– Вот и хорошо. Ты же будешь мимо конторы проезжать?

– Да, а что?

– Бумажки патентные с собой захвати, забросишь. Почитать хочу.

- Хорошо. Через час буду.
- Давай.

15

Я заехал в контору, отдал Женьке файлы со своими попытками описать конструкцию деструктора, и поехал в Митино, закупать детали для нового терминала. К вечеру передо мной на столе лежали три новых устройства, каждое из них было опробовано и, вопреки моим опасениям, все три работали безупречно.

Я позвонил Женьке, но он не отвечал ни по мобильному телефону, ни по рабочему. Дома к телефону подошла Света, Женькина жена, голос у нее был обеспокоенный.

– Не знаю, где он, – сказала она. – У него мобильник уже полдня не отвечает. Я думала, он с тобой.

– Нет, он не со мной, – сказал я. – Извини, что потревожил.

– Не за что извиняться. Я уже беспокоиться начинаю. У вас там ничего не случилось?

– Сейчас выясню, – пообещал я. – У нас есть способ связи на крайний случай, сейчас попробую.

– Скажи, чтобы домой позвонил, – попросила Света.

– Обязательно, – заверил ее я и повесил трубку.

Я взял со стола один из свежеизготовленных терминалов

и повелел ему:

– Связь с Женькой, режим телефона.

Некоторое время назад я заметил, что чем дольше работаю с Сетью, тем лучше она меня понимает. Сеть постепенно настраивается на пользователя, привыкает к его образу мыслей и с каждым следующим сеансом все более точно воспринимает его команды. Сейчас у Сети не возникло вопроса, с каким именно Женькой ей надлежит связаться.

– Привет, Андрюха! – раздался Женькин голос у меня в мозгу. – Собрал железяку?

– Как видишь. Ты где? О тебе жена беспокоится.

– Мы с Пашкой на Вудстоке.

– Где?

– На Вудстоке. Так эта планета Пашке представилась.

– Ты его нашел? Как?

– Так же, как и ты меня. Ты заметил, Сеть настраивается на пользователей? Хотя, у тебя теперь другой терминал, теперь тебе надо с самого начала...

– Не надо. То, с какого терминала ты заходишь в Сеть, роли не играет, при смене терминала настройка не сбивается.

– Да? Здорово! Присоединяйся к нам, тут классно. Пашка говорит, у него уже мозги пухнут от новой информации.

– Он нашел, что хотел?

– Уже давно. Тут такая база данных, охренеешь – любые знания в любой области. Пашка говорит, он уже на две нобелевские премии знаний набрал. А я сейчас психологию изу-

чаю, базовый курс уже почти закончил. Знаешь, эмпатия – такая великая вещь!

– Чего?

– Ну, эмпатия – когда чувства собеседника чувствуешь. А в продвинутом курсе, представляешь, будет телепатия, самая настоящая! Иди к нам, тебе понравится. Тут и боевые искусства есть.

Это было последней каплей.

– Давай координаты, – сказал я.

– Ты просто скажи «хочу к Женьке и Пашке», – отозвался Женька. – Сеть должна понять.

– А портал там свободен?

– Свободен, – хихикнул Женька. – Сам увидишь.

Он что-то не договаривал, но мне показалось, что в его словах нет ловушки, а есть только добродушное дружеское подшучивание, как будто по прибытии меня ждет неприятный, но безобидный сюрприз. Ну и пусть.

Я мысленно перекрестился и выдал команду на перемещение.

16

Я оказался в нигде. Я как бы висел в черной пустоте, в которой не было никаких внешних раздражителей.

– Эй! – крикнул я в пустоту. – Женька, ты где?

— Тут я, — донесся Женькин голос непонятно откуда. — Уже очухался?

— Боюсь, что нет, — сказал я. — Ни хрена не вижу и не чувствую.

— Это нормально, — заверил меня Женька. — Знаешь, какое у тебя тело?

— Какое?

— Никакое. Твоего тела нет как такового.

— Полевая форма жизни?

— Нет, вполне материальная. Просто планету Вудсток населяют высшие растения.

— Разумные?

— Более чем. Вся планета пронизана их корнями стеблями, не знаю, какой вариант выбрать, оба подходят. Фактически вся планета — один большой разум, все растения, кроме самых молодых, срослись между собой нервными стволами и думают совместно, как одно целое. Тут нет порталов, вся планета — один большой портал. Это растительное сверхсущество принимает гостей, но тела не предоставляет, просто выделяет им куски своего разума. Мы с тобой сейчас сидим на задворках самого большого мозга во вселенной.

— И что этот мозг от нас хочет?

— Ничего он не хочет, чего ему от нас хотеть, мы для него как блохи. Но ему нравится учить блох уму—разуму. На этой планете собрана гигантская база знаний и это не просто информация, знания структурированы в учебные курсы,

причем это не просто голая теория, тут еще есть и практика в виртуальной реальности.

– Эти растения свой Диптаун тут построили?

– Нет, они сами виртуальностью не пользуются. Они ее используют только при обучении низших рас.

– Я могу сформировать виртуальность вокруг себя?

– А зачем? Без нее удобнее. Кстати, сколько времени на Земле прошло?

– В Москве десятый час уже.

– Вечера или утра?

– Вечера.

– Того же дня?

– Да.

– Круто! Паш, слышь, там все еще тот же вечер продолжается.

– Слышу, – вступил в разговор Паша. – Не отвлекай меня, пожалуйста.

– Мог бы и извиниться, – буркнул я.

– Прости, виноват, – отозвался Паша. – А теперь не мешайте мне, я занят.

– Яйцеголовый, блин, – прокомментировал Женька. – Только и знает, что в своей науке копать.

– А почему ты спросил про время? – заинтересовался я. – Тут время быстрее идет?

– Субъективно – да, – ответил Женька. – Эта древесная зараза потрясающе быстро соображает. Никогда больше не

буду говорить «туп, как дерево».

– Мы тоже здесь соображаем быстрее, чем обычно? – догадался я.

– Во много раз. Мне казалось, недели две уже прошло. Ладно, хватит болтать. Учиться будешь или домой пойдешь?

– Что я, идиот, такой шанс упускать? Как тут учиться-то?

– Просто говоришь дереву, что хочешь узнать, и начинаешь учиться. Только про устройство деструктора не спрашивай, Пашка уже во всем разобрался. Лучше попробуй поспрашивать про боевые искусства, потом пригодится. Я бегло ознакомился с аннотацией курса, это потрясающе, Шаолинь отдыхает.

– У них есть специальный курс для людей?

– Нет, у них все курсы универсальные, они только практические занятия адаптируют под конкретную расу. Они конкретным приемам не учат, они учат общим закономерностям. Знаешь, что такое внутренняя сила?

– Слышал. Я не настолько крут, чтобы знать это по-настоящему.

– Базовый курс пройдешь, будешь знать. Займись эти делом, хорошо? Пашка грызет математику, я – психологию, а ты у нас будешь главной боевой единицей. Вместе мы сила, как три богатыря.

– Ненавижу это пиво, моча мочой.

– Да я прикалываюсь. Ну так займешься?

– Займусь. Уговорил, противный.

Я стоял на бескрайней равнине, плоской, как стол. Пол был застелен жесткими ковриками, должно быть, это и есть татами. Передо мной стоял Мотаро во всей красе.

Каждый, кто играл в «Мортал Комбат», знает, кто такой Мотаро и как трудно его победить. Гигантский кентавр, более двух метров в холке, с бараньими рогами на голове и крокодильим хвостом сзади, это существо обладает колоссальной силой и к тому же весьма проворное. Ужасный противник. В период моего увлечения «Мортал Комбатом» я побеждал Мотаро два раза из трех, но тактика, которую я тогда применял, сейчас явно не подходит. Прыгать, как горный козел, практически не касаясь земли, и наносить удары во всех направлениях в надежде, что хотя бы несколько достигнут цели – такая техника хороша, когда ты сидишь за компьютером и давишь на кнопки, но чтобы применить ее в реальности, пусть даже виртуальной, не хватит ни дыхалки, ни вестибулярного аппарата. Придется идти другим путем.

Мотаро взревел, как раненый тираннозавр, и прыгнул вперед, рассчитывая схватить меня огромными руками, поднять в воздух и бить в бубен, пока я не отключусь. Я прочитал это намерение в узор элементарных движений его тела.

Я дождался, когда он приблизится вплотную, и когда его

руки почти коснулись моего тела, сделал скользящий шаг вбок, схватился правой рукой за левый мизинец Мотаро, а левой рукой – за безымянный палец той же руки, и сильно и резко развел руки в стороны. Кости хрустнули.

Мотаро всхрипнул и попытался залепить мне пощечину, но его поза не слишком подходила для подобного маневра. Я без труда уклонился.

Я начал концентрировать внутреннюю силу, которую китайцы называют «ци», японцы – «ки», а джедаи – «зе форс». Мотаро не понял, что я делаю, по условиям поединка он не владеет внутренней силой, иначе поединок был бы заведомо проигрышным для меня.

Мотаро встал на дыбы и попытался оглушить меня передними копытами. Это была не самая толковая идея – разница в росте у нас такая, что когда он встает на дыбы, меня практически не видно. Я легко уклонился от страшных копыт, я просто держался у левого переднего бедра противника, в мертвой зоне его зрения, и накапливал силу.

Накопив достаточно, я нанес удар. Это был простой и незамысловатый удар ногой, в дворовых драках так бьют по гениталиям. Сила, сконцентрированная в крестце, скользнула вдоль моей распрямляющейся ноги и вышла из подушечек разогнутых до предела пальцев. Кость толщиной в мою ногу хрустнула, как спичка.

Мотаро взревел и в его голосе послышались испуганные нотки. Теперь он припадал на одну конечность, как покале-

ченная собака. Он пытался развернуться ко мне передом, но это было непросто – я шел спокойным размеренным шагом вдоль его левого бока, он поворачивался, но никак не мог повернуться, потому что я шел с такой же скоростью, с какой он поворачивался. Мое астральное чувство наслаждалось паникой, растущей в мозгу противника.

– Ты не вправе постигать запретное знание! – вдруг взревел кентавр. – Ты должен умереть!

С этими словами он упал на бок и умер.

Я встал по стойке «смирно» и поклонился. Совсем простой был поединок, куда проще, чем предыдущий, когда я в образе Нео отбивался от сотни агентов Смитов.

Мир померк. Безжизненный голос в моем сознании объявил:

– Базовый курс закончен. Переход к продвинутому курсу рекомендуется после практики в реальном мире.

– Сколько времени должна занимать практика? – спросил я.

– Для твоей расы – около года, – сообщил голос.

– Сколько сейчас времени в моем мире?

– Не понял вопроса.

– Сколько прошло времени с начала обучения?

– По часам твоего мира – около трех часов.

– Спасибо. Я хочу сделать перерыв. Женька!

– Андрюха! – немедленно отозвался Женька. – Ты где был?

– Пивопил. Шутка. Дрался я, практическое занятие. Что случилось?

– Тебя никто не пытался замочить?

– Нет. Хотя... – я обратился к духу этого места: – Что такое говорил Мотаро перед тем, как умереть?

– Произошло несанкционированное проникновение третьих существ в зону обучения, – сообщил голос. – Проникновение пресечено, все виновные особи уничтожены.

– Кто они были?

– Информация не разглашается.

Я снова обратился к Женьке:

– Местный хозяин говорит, что к ним вломились какие-то плохие парни.

– Я даже знаю, какие, – сказал Женька. – Наши знакомые из комитета защиты порядка.

– Они представились?

– Это теперь необязательно, я и так понимаю, кто есть ху. Эмпатия – великая вещь.

– Что с Пашкой?

– Нет больше Пашки.

– Что?!

– Нет больше Пашки. Убили его.

– Как?!

– Понятия не имею. Я думал, мы здесь неуязвимы, Вудсток нас защищает. Но я был неправ.

– С чего ты взял, что его убили?

- Не могу до него достучаться, да и голос подтвердил.
- Какой голос? Который тут обучением заведует?
- Он самый. По-моему, нам пора сваливать отсюда.
- А ты уверен, что это они его замочили? И что это было сознательное убийство?
- Уверен по обоим пунктам, – заявил Женька. – Голос все подтвердил.
- Да, тогда пора сваливать. А ты уверен, что на Земле будет безопаснее?
- Та тварь, что пробралась в Ирку, нас не тронула.
- Может, у нее приказа не было. Да, у нее точно приказа не было, она же считала, что я – тот маньяк, который первый терминал сделал. А когда она выяснила, что я – не он, так тут же и свалила.
- Интересно, как она это выяснила.
- Мне тоже интересно. Слушай, Жень, отсюда надо по любому сваливать. Тебя жена ждет.
- Да, действительно. Пошли отсюда.
- Пошли.

18

Настенные часы показывали без двух минут полночь. Кухонный пейзаж был точно таким же, как и тогда, когда я отправился в астральное путешествие на Вудсток. На столе пе-

редо мной лежали три терминала — тот, что отправил меня в иной мир, и два других, еще не использованных в деле. Пашки не было.

Интересно, что происходит с телом человека, погибшего в путешествии в иной мир? Судя по тому, что Пашкиного трупа на моей кухне не обнаружилось, можно считать, что оно осталось в стасисе навсегда. Будем надеяться, что так, не хватало еще, чтобы покойный профессор неожиданно материализовался посреди моей кухни. Интересно, что произойдет, когда стасис переполнится? Должно быть, яркое будет зрелище, когда повсюду станут из ниоткуда появляться мертвяки. Надеюсь, это случится нескоро.

На всякий случай я попытался вызвать Пашку через терминал, но все попытки были безуспешны. Сеть уверенно отвечала «абонент недоступен», проигрывая при этом в мозгу дурацкую мелодию, которой МТС насилует уши абонентов. Должно быть, прочитала мелодию в подсознании.

Мой взгляд упал на бумажки, исписанные моими позавчерашними бреднями. Какой в них толк? Профессор Павел Крутых выяснил все, что не смог выяснить я, но кому это пригодилось? Никому. Представители загадочного комитета защиты порядка оборвали его жизнь, а это значит, что все наши усилия были потрачены впустую.

Нет, не впустую. С помощью покойного Пашки мы с Женькой сумели—таки подобрать ключ к хранилищу галактической мудрости. Пока мы сумели извлечь оттуда совсем

немного, но это неплохо уже само по себе. Не знаю, чему научился Женька, но я сейчас, выйдя на ринг, запросто могу заработать титул чемпиона мира по кикбоксингу. Или по какому—нибудь другому единоборству, главное, чтобы оно не было узкоспециализированным, вроде бокса.

Спать не хотелось, есть и пить – тоже. Тело вернулось из стасиса бодрым и отдохнувшим, а душу переполняла жажда деятельности. Я хотел продолжать обучение, я хотел вернуться на Вудсток и получить все, что способен мне дать тот мир. Мне стало даже интересно, во что способна превратить мою душу инопланетная технология.

Я взял терминал и приказал ему:

– Физическое перемещение на Вудсток.

И добавил через секунду:

– Подтверждаю.

19

Время на Вудстоке течет странно. Когда ты становишься частью гигантского мозга, оплетшего своими нервными стволами всю планету, ты неизбежно приобретаешь некоторые его качества. Первое, что ты замечаешь – то, что время перестает быть одним из основных факторов бытия.

Есть у меня дурная привычка – постоянно смотреть на часы. Когда я начинаю разговор с клиентом, я обязательно пре-

дупреждаю его, что я вовсе не стремлюсь побыстрее спроводить его куда подальше, просто у меня такая привычка, что-то вроде нервного тика. Но когда я попал на Вудсток, эта привычка исчезла без следа, потому что время здесь не имеет никакого значения.

Мощь планетарного разума Вудстока колоссальна. Растительная паутина, пронизывающая планету, мыслит со скоростью, многократно превышающей скорость мышления человеческого разума. Когда ты оказываешься внутри нее, этот бешеный темп захватывает тебя, ты чувствуешь себя, как будто ты очнулся от сна или опьянения, в котором пребывал всю предыдущую жизнь, и наконец-то живешь полной жизнью и думаешь в полную силу, так, как и должен работать твой мозг. Час, проведенный на Вудстоке, субъективно воспринимается как несколько суток обычного земного времени.

Находясь на Вудстоке, не нужно тратить время на то, чтобы есть, пить или справлять естественные надобности. Мыслящая паутина Вудстока не предоставляет гостю временное тело, вместо этого она выстраивает вокруг него виртуальную реальность, основанную на привычных объектах и образах. Страшно даже подумать, насколько сложна эта задача, особенно если учесть, что Вудсток обслуживает всех пользователей, независимо от принципов построения нервной системы. Мыслящая паутина должна понять, как устроена душа, прибывшая к ней в гости, наладить с ней контакт, организо-

вать виртуальную среду и наполнить ее привычными для гостя ощущениями. Паутина все это делает, и делает настолько быстро и качественно, что остается только удивляться тому, что это реально работает, не в сказке и не в научно—фантастическом романе, а в самой настоящей реальной действительности.

Гости прибывают на Вудсток с единственной целью – получить знания. У единого и бессмертного разума Вудстока наверняка есть и другие цели в жизни, но они скрыты от посторонних. Гостям из других миров доступна лишь одна сторона планеты лучший во вселенной университет. Здесь всех учат всему, любой пришедший может получить любое знание, имеющееся в памяти паутины и доступное просящему.

Процедура обучения на Вудстоке весьма своеобразна. Явившись сюда в прошлый раз, я попросил паутину научить меня боевым искусствам. Я ожидал, что окажусь в виртуальном спортивном зале, где виртуальный инструктор будет показывать разнообразные приемы, которые я буду отрабатывать на виртуальных партнерах. Но все оказалось не так.

Мне не показали ни одного приема. Если бы паутина разменивалась на такие мелочи, ей пришлось бы хранить отдельную школу рукопашного боя для каждой разумной расы, ведь техника рукопашного боя разумных рыб по определению должна отличаться от техники боя разумных птиц. Но паутина не учит технике, паутина учит только общим принципам, единым для всех разумных существ.

Не могу сказать с полной уверенностью, что паутина именно учит. Мне кажется, она просто перестраивает душу обучаемого в соответствии с теми знаниями, которые он должен получить. Берется оригинальная душа, вычисляется то, что должно получиться в результате, и первое превращается во второе. А потом проводится практическое занятие, в ходе которого паутина убеждается в том, что обучение проведено корректно.

По-моему, дело обстоит именно так. Иначе я не могу объяснить, почему я так быстро и твердо усваивал сложнейшие концепции, абсолютно новые и чуждые. Для закрепления каждого из полученных навыков обычно требовалась только одна тренировка, изредка две, и после этого паутина сразу переходила к следующему занятию.

Если предположить, что знания и навыки, полученные здесь, сохраняются и на Земле, приходится признать, что я превращаюсь в бойца колоссальной силы. Моя физическая сила не изменилась, если не считать того, что теперь я могу кратковременно включать форсированный режим, сознательно выбрасывая адреналин в кровь. Это вредно для здоровья, так не следует делать без крайней необходимости, но когда необходимость наступит, я смогу это сделать.

Сильнее всего изменилась нервная система. Я научился сосредотачиваться на главном, отсекая ненужное. Теперь, когда я нахожусь в боевом режиме, мое зрение подобно зрению лягушки – я не вижу пейзаж, я вижу только движения

противника. В бою я не имею ни эмоций, ни мыслей, я перестаю быть человеком, я просто боевая машина. Потом, после боя, я вспоминаю свое состояние и мне кажется, что я что-то думал и что-то чувствовал, но я знаю, что это не так, это совсем другое, просто мозг пытается описать ситуацию в рамках привычной системы понятий, вот и применяет понятия «мысль» и «чувство» там, где они неприменимы. Но от перестановки терминов смысл не меняется.

Теперь я могу угадывать действия противника, я не могу объяснить или описать, как это происходит, я просто каждый раз знаю, что будет дальше. Не думаю, что в этом есть что-то сверхъестественное, скорее, все дело в возросшей чувствительности высших нервных центров и в лучшей координации между ними. Координация движений тоже улучшилась, видимо, за счет того, что на период боя я начисто избавляюсь от страхов и комплексов. Для меня нет разницы, что делать – пройти по доске, лежащей на земле, или по доске, закрепленной на стометровой высоте, перепрыгнуть канаву или перепрыгнуть с одной крыши на другую. В бою для меня нет страха, есть только трезвый расчет, я могу воздержаться от рискованного удара, но не потому, что боюсь, а потому, что вероятность успеха недостаточно велика. А это совсем разные вещи.

За первые часы занятий паутина превратила меня в настоящую боевую машину. Можно подумать, что это предел, достижимый для человека, но я знаю, что это не так. Впере-

ди есть еще продвинутый курс и он далеко не последний на пути к боевому совершенству.

Я обратился к хранителю этого места с просьбой начать продвинутый курс. Но в ответ я услышал совсем не то, что ожидал услышать.

– Ты еще не готов получать новую информацию, – произнес бесплотный голос в моем сознании. – Вначале ты должен усвоить знания, которые уже получил. Приходи через год по времени твоего мира.

– Твои знания нужны мне сейчас, – возразил я. – Те существа, что убили Павла, охотятся и за мной. Если ты не дашь мне знаний, которых я прошу, я буду незащищен перед врагами.

Впервые на Вудстоке мне показалось, что я уловил какой-то отблеск эмоций в голосе планеты.

– Познав то, что ты хочешь познать, ты все равно останешься незащищенным, – заявил голос. – Тебе нужно нечто особое.

Вот это да! На такую удачу я и не смел рассчитывать.

– Тогда дай мне то, что мне нужно, – попросил я.

– Твой мозг может не выдержать, – сказал голос, – ты называешь это состояние словом «шизофрения». Я не могу гарантировать, что после обучения ты сможешь его избежать.

– Какова вероятность того, что я сойду с ума? – спросил я.

– Смотря сколько знаний ты позволишь мне вложить в тебя. Сейчас шизофрения исключена, но если ты за один при-

сест познаешь все, что хочешь познать, она будет гарантирована. Я не могу взять на себя ответственность.

– Ответственность перед кем?

– Странный вопрос. Перед самим собой, конечно. А перед кем еще может быть ответственность?

– Ну... перед близкими, родными, друзьями...

– Ах, да... – голос как бы хмыкнул. – Извини, я забыл, что разговариваю с существом другой расы. Нападение вывело меня из равновесия. Обычно я не позволяю ученикам подвергать свой разум опасности, но для тебя я сделаю исключение. На какой риск ты готов пойти?

– В смысле?

– Какое значение вероятности сумасшествия для тебя допустимо?

– А какие альтернативы?

– От нуля до единицы, весь спектр.

Хорошее предложение. Какова вероятность безумия, с которой я готов примириться? Я так и не смог ответить на этот вопрос.

– Я вижу, ты не можешь сделать выбор, – констатировал голос. – Я рекомендую значение одна сотая. Величина не настолько большая, чтобы принимать ее во внимание, но, в то же время, ты получишь весьма неплохой теоретический багаж. Защитники порядка голыми руками тебя не возьмут.

– Ты знаешь, кто такие защитники порядка?

– Я знаю почти все в этой вселенной.

– Ты расскажешь мне?

– Ты хочешь от них защититься или ты собираешься с ними воевать?

– Разве это не одно и то же?

– Это совсем разные вещи. Скоро ты поймешь, что в пространстве Сети то, что ты называешь войной, невозможно.

– Тогда зачем они убили Пашку?

– Они считают, что этот случай должен стать исключением.

– Почему?

– Со временем ты все поймешь, а сейчас новое знание только помешает. Не забывай, твой мозг перегружен. Отдохни хотя бы пару месяцев, а потом, если будет крайняя необходимость, ты снова сможешь учиться. Если крайней необходимости не будет – лучше подождать год или чуть больше.

– Может, тогда мне лучше вообще не учиться?

– Это твой выбор. Но сейчас они возьмут тебя голыми руками.

– Несмотря на все, чему ты меня научил?

– Ничему серьезному я тебя не научил. Это все мелочи, дилетантов пугать. Серьезные вещи в твой мозг вообще не поместятся.

– А как же то, чему ты собрался меня учить?

– Это лучше, чем ничего. Но достаточно пустой болтовни. Ты готов получить знания?

Я немного поколебался, но все—таки решился.

– Готов, – сказал я.

– Вот и хорошо, – констатировал голос. – Ну все, отправляйся домой.

– А как же занятия? – не понял я. – Ты передумал меня учить?

– Все необходимые знания вложены в твой разум.

Я прислушался к своим ощущениям и не заметил в себе ничего необычного.

– Ты и не заметишь, – сказал голос, – пока не придет время. Ты будешь постепенно понимать то, что знаешь, иначе твой мозг не выдержит.

– Но ты можешь хотя бы намекнуть, что именно я узнал? – спросил я.

– Могу, но не буду. Ты можешь уходить.

– Ты меня гонишь?

– Я никого никогда не гоню. Но тебе больше нечего делать в моем мире. Прощай.

Некоторое время я пытался продолжать разговор, но голос не отзывался. Мне пришлось уйти.

20

На следующее утро мы с Женькой сидели в переговорной. Мы молчали, необходимости говорить не было, все было ясно и так.

Я смотрел на Женьку и видел неосязаемые для обычных людей флюиды, исходящие от его разума.

— Как жена? — спросил я. — Она вчера очень беспокоилась.

— Нормально, — сказал Женька. — Представляешь, она думала, что я у любовницы! Пришлось объяснить ей наглядно, что она не права.

— Побил ее, что ли?

— Да иди ты! Я же вижу, ты теперь тоже чуть—чуть эмпат. Ты прекрасно понял, о чем я говорю.

— Ну да, понял. Знаешь, в эмпатии есть и свои недостатки, шутить, например, труднее.

— Шутить не труднее, просто шутки у тебя дурацкие. Как начнешь вещать Что-нибудь с серьезным видом, сразу и не поймешь, серьезно ты говоришь или пургу гонишь.

— Теперь поймешь.

— Теперь-то конечно. Ты как, круто драться научился?

— Ты и так все видишь.

— Вижу. Черт! Но надо же о чем-то разговаривать!

— А зачем? Все и так понятно. Лучше скажи, что теперь делать будем?

— Не знаю, думать надо. Пашкино тело к тебе вернулось?

— Нет, оно по-прежнему в стасисе. Думаю, навечно.

— Это хорошо. Одежду его выбросил?

— Пока нет.

— А чего тормозишь? Надеешься, что он вернется?

— Нет, надеяться бессмысленно. Даже не знаю, почему не

выбросил, как-то рука не поднимается.

– Надо выбросить. Его искать начнут.

– У него семья была?

– Не знаю. Да и не хочу узнавать, если честно. Когда не знаешь, на душе спокойнее.

– А совесть не мучает?

– Пока не особо. Вот если вдруг выяснится, что у него осталась беременная жена и трое маленьких детей, вот тогда совесть обязательно замучит.

– Заслонив лицо ладошкой, притворившись безымянным... – процитировал я Егора Летова.

– Да иди ты! – воскликнул Женька. – Ну, допустим, мы знаем, что у него осталась семья. И что делать? Прийти и сказать, типа, извините, мадам, но мы вашего мужа втравили в одну историю, он погиб, но вы не волнуйтесь, мы Что-нибудь обязательно придумаем. Так, что ли?

– Не знаю, тебе виднее, ты же у нас психолог.

– Да какой я психолог... Чувствовать чужие эмоции – это круто, но опыт практической работы ничем не заменить. Не знаю я, что делать, да и знать не хочу, если честно.

– Испугался? – предположил я.

– Да нет, не испугался, – сказал Женька. – Скорее, обалдел.

– По-моему, пора начинать действовать, – решительно сказал я.

– Как действовать?

– У нас сейчас четыре терминала. Два оставляем себе, два отдаем... ну, не знаю, ученым каким—нибудь крутым, что ли...

– И где ты возьмешь крутого ученого?

– В интернете можно поискать. Или сразу в Сети.

– Сеть выдаст список из одних инопланетян.

– Можно конкретизировать запрос в рамках Земли. Когда мы с Пашкой разговаривали, он попросил меня выдернуть из Сети какое-то уравнение имени кого-то нашего, земного, так Сеть сразу выдала информацию, причем в земных обозначениях. Обычные земные формулы.

– Подожди! Получается, что Сеть все знает о Земле? Ну-ка...

Женька потянулся к терминалу, взял его в руку и несколько секунд напряженно вглядывался в школьный пенал, обмотанный проводами.

– Слава богу, не все она знает, – произнес он с облегчением, – и то хорошо. Ну-ка, попробуем... Свет мой, зеркальце, скажи, кто у нас на Земле самый крутой ученый?

Женька надолго замолчал. Судя по его вазомоторным реакциям, Сеть что-то ответила.

– Ну и кто? – спросил я.

– Хрен его знает, – отозвался Женька. – Оказывается, в нашем земном интернете есть целый хит—парад. Кривой, правда, какой-то...

– Адрес скажи.

Женька назвал адрес. Следующие десять минут мы провели за Женькиным компьютером.

– Ну вот, – сказал Женька, – такая вот картина. Ты понимаешь, по какому принципу они определяют, кто из них круче?

– Не понимаю. Но какая нам разница?

– И действительно, никакой разницы. Вот, например, первый кандидат – чем тебя не устраивает? Тридцать три года, пятьдесят одна публикация в международных журналах по физике.

– И это все, что о нем известно, – заметил я. – Непонятно даже, чем он занимается, каким разделом физики, я имею ввиду.

– Сейчас выясним, – сказал Женька. – Как там его имя—отчество... Вот, гляди, название статьи. К теории сверхпроводимости систем с произвольной плотностью... О! Гляди, это, кажется, его телефон.

– Наверное, он идиот, раз свой телефон в интернет поместил, – предположил я.

– Почему идиот? – удивился Женька. – Думаешь, ему постоянно звонят толпы поклонников? Типа, прочитал я вашу статью, впал в восторг...

– Убедил. Звоним?

– Ага, сейчас прямо возьмем и позвоним, угадай, что он ответит. Он, кстати, в Харькове живет. Видишь, тут междугородный код.

- Может, лучше в Москве ученых поищем?
- Давай попробуем.

21

Женька твердо взял инициативу в свои руки. Мне он сказал, что раз он психолог, то ему и надо заниматься этим делом, но я понимал, что не все так просто. На самом деле ему просто не хочется делиться со мной удовольствием от процесса. Неожиданно подойти к человеку на улице, произнести безумную речь про инопланетный артефакт, убедить человека в том, что он говорит правду, действительно убедить, после инопланетного курса психологии это вполне реально. Загрузить человека рассказом про галактическую Сеть, предложить попробовать найти в Сети какую—нибудь информацию, насладиться смешанной гаммой чувств на лице человека, а потом сидеть с ним на кухне, пить пиво или водку и рассказывать. А когда человек загрузится достаточно, назвать ему слово «Вудсток» и уйти, не забыв захлопнуть дверь в опустевшей квартире. Я бы тоже так хотел, но я знаю, что мне это не дано. Без знаний, полученных Женькой на Вудстоке, практически невозможно убедить человека, что ты не псих, а действительно владеешь терминалом инопланетной Сети.

Женька пытался заставить меня заняться сборкой термини-

налов в промышленных масштабах, но я ему отказал. Это было непросто, он теперь очень хорошо умеет убеждать, но я все—таки отказал ему. Это выглядит по-детски, но я не хочу делать черновую работу, плоды которой будет пожинать другой человек, пусть даже такой хороший друг, как Женька. Полагаю, если бы Женька очень захотел меня заставить, он бы нашел способ, но он от меня отстал, пожалел, так сказать.

А потом в частное охрannое предприятие «Эзоп» обратился клиент. Он обратился к Женьке, но Женька перенаправил его ко мне. Полагаю, в этом был некоторый элемент ехидства – дескать, не хочешь помогать мне заниматься тем, что по-настоящему важно, так занимайся рутинными делами, которыми кто-то все равно должен заниматься.

Клиента звали Виктор Петрович, это был пожилой мужчина, очень представительный, если бы не повышенная пучеглазость, которая его сильно портила. Виктор Петрович руководил службой безопасности одной крупной компании, занимающейся торговлей драгоценными металлами. В прошлом году мы собирали для него информацию об одном греческом бизнесмене, который активно набивался в деловые партнеры, но на деле оказался давним клиентом «Интерпола». Операция стоила Виктору Петровичу кругленькую сумму, но сэкономили мы ему намного больше.

На этот раз интересы Виктора Петровича простирались совсем в другом направлении.

Мы встретились с ним в обшарпанном переулке в центре

Москвы. Точно в назначенное время черный полноприводный «Лексус» Виктора Петровича припарковался рядом с моим «Пассатом», я вышел из машины, поставил ее на сигнализацию и направился к «Лексусу». Когда я подошел к джипу, передние двери открылись, из левой двери вылез шофер, из правой – телохранитель. Видать, серьезный разговор намечается, раз клиент не хочет разговаривать в присутствии телохранителя.

Я открыл заднюю дверь и забрался внутрь машины. Ступенька оказалась выше, чем я ожидал, я споткнулся, но не только не упал, но даже не пошатнулся – оказалось обучение на Вудстоке.

Я захлопнул дверь и повернулся к Виктору Петровичу. Я сразу отметил, что он сильно расстроен и напуган. Он всеми силами старался скрыть это, получалось у него неплохо, но обмануть меня ему не удалось.

– Здравствуйте, Виктор Петрович, – сказал я. – Какие у вас неприятности?

Глаза Виктора Петровича стали еще более выпученными, чем обычно.

– О чем вы, Андрей? – спросил он. – С чего вы взяли, что у меня неприятности?

Я заметил, что он дернул левой рукой, как будто хотел посмотреть на свой «Ролекс», но передумал. Очевидно, торопится.

– Давайте не будем заниматься психоанализом, – сказал

я. — У вас неприятности, а я готов попытаться помочь вам справиться с ними за умеренную плату. Вы ведь меня за этим позвали?

Некоторое время Виктор Петрович молчал, оценивающе разглядывая меня, как какую-то диковинную лягушку. Я отметил его растущую неуверенность, переходящую в страх. Женька на моем месте сразу понял бы, чем вызван его страх, но для меня это было за пределами доступного. Я на Вудстоке психологию не изучал.

— Что случилось? — спросил я. — Если вы мне ничего не расскажете, я не смогу вам помочь.

— Ты сильно изменился, Андрей, — заметил Виктор Петрович. — Год назад ты был совсем другим.

— Все течет, все меняется, — я пожал плечами. — Так что случилось?

Виктор Петрович вздохнул и начал говорить.

— Мне нужен специалист особенного типа, — сказал он. — Нужна силовая операция.

— У вас в компании нет ни одного боевика? — удивился я. — Позвольте не поверить.

— По некоторым причинам мы не можем использовать своих людей, здесь нужен специалист со стороны. Евгений Григорьевич говорил, что вы знаете такого.

— Возможно. Что нужно сделать?

— Один... скажем так, нехороший человек, имеет при себе DVD—диск, который мне очень нужен.

– Компромат? – догадался я.

– Неважно, – Виктор Петрович так резко дернул щекой, что стало очевидно, что это действительно компромат, причем не на компанию, а лично на него. – Что записано на этом диске, не касается ни тебя, ни того человека, который будет делать работу. Я должен получить диск не позже завтрашнего вечера. Операция стоит пять тысяч долларов.

– Десять, – отрезал я. – И ни центом меньше.

Виктор Петрович тяжело вздохнул.

– Хорошо, десять, – сказал он. – Десять ему и тысячу тебе за контакт. Пойдет?

– Кому ему? – не понял я.

– А ты что, сам хочешь взяться? – удивился Виктор Петрович.

– А почему бы и нет?

– Ну... – Виктор Петрович на секунду замаялся. – В прошлом году я наводил о тебе справки. Если верить моим ребятам, ты отличный оперативник и хороший аналитик, но как боевик не представляешь из себя собой ничего особенного. Ты не справишься.

Я улыбнулся широкой добродушной улыбкой и предложил:

– Проверим?

– Как?

– Ваш телохранитель, надо полагать, крутой боец?

Виктор Петрович озадаченно хмыкнул и вылез из маши-

ны. Телохранитель и шофер, до того смиренно стоявшие в сторонке и обсуждавшие что-то свое, дружно повернулись к машине. Виктор Петрович поманил пальцем телохранителя, они что-то коротко обговорили, телохранитель подошел к машине и открыл заднюю дверь.

– Выходи, Рэмбо, – сказал он.

Я не воспользовался приглашением, потому что понял, что он собирается ударить меня, как только мои ноги коснутся земли. Я сделал вид, что запутался в собственных ногах, сгруппировался и прыгнул ему на грудь прямо из машины.

Он почти успел отпрянуть в сторону. Он обязательно успел бы, если бы не Вудсток, а так я понял, каким будет его движение, еще до того, как оно началось. Менять направление прыжка было уже поздно, но я успел выставить правую руку в сторону и слегка ткнуть противника большим пальцем в глаз.

Телохранитель скорчился на снегу, держась рукой за глаз и сдавленно ругаясь. Я стоял в стороне в расслабленной позе и ждал, что будет дальше.

Телохранитель вдруг витиевато выругался, вскочил на ноги и пошел на меня. Для обычного человека его вид был страшен. Два метра роста, килограммов сто двадцать веса, ни капли жира сверх физиологической нормы и в довершение всего отточенная плавность движений, которая всегда производит впечатление на знающего человека. Но я видел в рисунке его движений, что он пребывает в состоянии, близ-

ком к панике.

Я спокойно стоял и смотрел, как гора мышц приближается ко мне, изрыгая чудовищные ругательства. Я видел, что в голове моего противника нет никакого плана дальнейших действий, он ждет, что я испугаюсь, и не рассматривает никаких других вариантов развития событий.

По мере того, как противник приближался ко мне, его движения становились все менее уверенными, а ругань – все менее выразительной. В двух метрах от меня он остановился.

Я широко улыбнулся и сделал приглашающий жест. Телохранитель не двигался.

– Ну что же ты? – донесся издали приглушенный боевым режимом голос Виктора Петровича. – Испугался?

Да, он испугался. Он сам точно не знал, чего именно испугался, но то шестое чувство, которое обязательно есть у каждого опытного бойца, подсказывало ему, что сейчас он столкнулся с противником гораздо сильнее себя. Он боялся нападать, но другого выхода не было. Он не мог продемонстрировать собственную слабость перед работодателем.

Телохранитель атаковал. Он видел, что я предоставляю право первого удара ему, и решил воспользоваться этим правом в полной мере. Он подошел вплотную, сделал руками отвлекающий маневр, как будто собрался провести серию ударов в голову, и внезапно ударил меня ногой в колено. Внезапно – так показалось ему, но я заранее знал, что он будет делать.

Я не стал блокировать удар, я просто чуть—чуть передвинул свою ногу и удар пришелся в воздух. Наши взгляды встретились, я слегка улыбнулся и кивнул.

Телохранитель отошел на два шага, поклонился и быстрым шагом направился к Виктору Петровичу. Они обменялись парой фраз, после чего телохранитель остался на месте, а Виктор Петрович подошел ко мне.

— Сергей говорит, что ты — сильнейший боец из всех, кого он видел, — сказал Виктор Петрович. — Странно.

— Что странно?

— Странно, что я раньше не знал. Ну да ладно. Сергей говорит, ты можешь справиться, а я ему верю. Считай, что десять тысяч твои.

— Одиннадцать.

— Почему одиннадцать?

— Вы обещали тысячу за контакт с классным бойцом. Контакт состоялся.

Виктор Петрович озадаченно хмыкнул.

— Хорошо, одиннадцать, — согласился он. — Пойдем в машину, расскажу, что надо делать.

Я внимательно выслушал план, предложенный Виктором Петровичем, с умным видом покивал головой и сделал вид,

что со всем согласен. План действительно был неплох, но он не учитывал тот факт, что помимо необычных боевых способностей у меня есть еще и деструктор.

Я не стал спорить с Виктором Петровичем. Я видел, что он сильно нервничает, и понимал, что если я начну рассказывать, что у меня в распоряжении есть потрясающе эффективное оружие инопланетного происхождения, он подумает, что я рехнулся, и будет почти прав. Пусть лучше думает, что я полагаюсь только на традиционные силы и средства.

Диспозиция предполагала, что я буду ждать клиента у входа в офисное здание. Но я решил пойти другим путем, я занял позицию на маршруте его движения из дома в офис. Виктор Петрович говорил, что завтра утром клиент обязательно будет дома и обязательно поедет в офис, причем ездит он всегда одним и тем же маршрутом. Виктор Петрович показал этот маршрут на карте и мое внимание сразу привлекло одно место – правый поворот с одной магистральной улицы на другую. Я часто езжу через этот перекресток и знаю, что по утрам здесь всегда образуется пробка и нет никаких шансов, что клиент проедет перекресток с ходу, он обязательно простоит в пробке хотя бы минуту, причем стоять он будет в крайнем правом ряду, что открывает для меня массу интересных возможностей.

В восемь утра мой «Пассат» уже стоял рядом с домом, ближайшим к означенному перекрестку. Машины, ждущие зеленого сигнала светофора, отсюда видны, как на ладони, а

то, что от дороги меня отделяет двадцать метров глубокого снега, даже хорошо. Когда за мной погонятся коллеги клиента, им будет психологически трудно предположить, что моя машина стоит совсем рядом с местом нападения. Конечно, если среди них окажется опытный оперативник, он сможет догадаться, но Виктор Петрович заверил меня, что клиента будут сопровождать обычные бандиты.

Я решил перестраховаться. Заглушив двигатель, я включил аварийку, открыл капот и несколько минут задумчиво изучал подкапотное пространство. Далее я вытащил из кармана мобилу и сделал вид, что кому-то звоню. Завершив воображаемый разговор, я обошел вокруг машины, попинывая колеса и всем видом выражая крайнее неудовольствие.

Затем я сел в машину и совершил несколько странных действий. Я снял куртку, надел короткую канареечно—желтую куртку китайского производства, а сверху – тонкий нейлоновый плащ, тоже китайский, но черный. На голову я водрузил парик, изображающий большую розовую лысину в венчике редких седых волос, а поверх него – черную вязаную шапочку. Довершила картину накладная борода с усами. Теперь оставалось только сидеть и ждать.

Ждать пришлось недолго. Когда черная семерка БМВ появилась в поле зрения, я даже подумал, что стоило приехать сюда пораньше.

Я извлек деструктор из кармана на водительской двери, навел пластмассовый ствол на машину клиента и нажал

спуск. Я целился в заднее колесо, я не хотел никого убивать, для моих целей достаточно, чтобы машина была вынуждена остановиться.

Несколько секунд ничего не происходило, меня даже посетила паническая мысль, не слишком ли большую дистанцию я выбрал для атаки. А потом я понял, в чем дело.

Я давно убедился, что твердые аморфные тела, такие, как пластмасса и стекло, для излучения деструктора прозрачны, они его практически не задерживают. Поэтому я стрелял через стекло, но я не учел того, что в моей машине стекла тонированы, а тонировочная пленка, оказывается, не совсем прозрачна для излучения деструктора. Я понял это, когда почувствовал в салоне металлический запах и заметил на затемненном стекле прозрачную проплешину.

На светофоре загорелась зеленая стрелка, разрешающая правый поворот, черный БМВ тронулся с места и в этот момент произошло то, чего я и добивался. Правое заднее колесо машины хрустнуло и рассыпалось горкой мелких обломков. С литыми дисками такое случается и без деструктора, если имеет место заводской брак или если на хорошей скорости влететь в открытый канализационный люк.

Машина просела, из-под разрушенного колеса брызнули искры, раздался скрежет, БМВ вильнула задом и остановилась. Открылись двери, из машины высыпали люди, я так и впился в них взглядом.

Шофер не представлял собой ничего интересного, шофер

как шофер, обычный мужичок пролетарского вида. Двое других персонажей тоже не вызвали у меня большого интереса. Ничем не примечательные быки, гигантские бритоголовые шкафы, смертельно опасные для слабого и незащищенного, но не представляющие серьезной угрозы для более—менее сильного противника.

А вот и клиент. Высокий вальяжный мужчина с аккуратной короткой стрижкой, в которой не было ничего бандитского, маленькими усиками под носом и в щегольских очках с затемненной полосой поверху, как на лобовом стекле автомобиля. Виктор Петрович не сказал мне, кто он такой, я выяснил это самостоятельно по номеру автомобиля, который сейчас мигал аварийкой. Серьезный человек.

Я огляделся по сторонам, убедился, что никто не смотрит в мою сторону, и вылез из машины. Я не стал форсировать снежную целину, я пошел в обход, как все нормальные герои. Метров через пятьдесят я слился с потоком людей, куда-то спешащих по своим неведомым делам. Дойдя до ближайшего дома, я завернул за угол, быстро снял шапку и черный плащ, запихнул их под ближайший куст и пошел в обратном направлении.

Если раньше я ничем не выделялся из толпы, то теперь, в канареечно—желтой куртке, наоборот, привлекал всеобщее внимание. Это даже хорошо, лица потом никто не вспомнит, всем врежутся в память только три детали: желтая куртка, лысина и окладистая борода. Так и задумано.

Я поравнялся с бандитской компанией, безуспешно пытающейся подсунуть домкрат под покореженное днище, подошел вплотную к клиенту, одиноко стоявшему в стороне с философским выражением на лице, аккуратно взял его за руку, ткнул в бок стволом деструктора и вежливо произнес прямо в ухо:

– DVD дайте, пожалуйста. – И добавил: – Быстрее.

Клиент на секунду остолебенел, но быстро справился с потрясением.

– Диск в машине, – сказал он и застыл в ожидании того, что будет дальше.

Он солгал, причем очень неумело, я мгновенно почувствовал ложь.

– Неправда, – сказал я, – диск при вас. В дипломате, надо полагать?

Клиент едва заметно дернулся и я понял, что угадал.

– Давайте сюда дипломат, – велел я, – я возьму его весь. Это будет наказание за то, что вы солгали. Спасибо. Всего доброго.

Я взял в левую руку дипломат клиента, убрал деструктор под куртку и быстрым, но не слишком поспешным шагом пошел к домам, туда, где в сугробе валяются черный плащ и вязаная шапочка.

Метров через тридцать я обернулся и увидел, что обалдевшие бандиты стоят полукругом вокруг клиента, а он размахивает руками и что-то увлеченно рассказывает. Вот он

показал пальцем в мою сторону, бандиты увидели цель, секундная пауза на осмысление ситуации, и они сорвались с места, как борзые на охоте. Я подпрыгнул, подчеркнуто панически, и побежал.

Ой, как плохо! Невысокий, но очень крепкий мужичок, идущий навстречу, решил поиграть в героя. Увидел, как два мужика гонятся за вором, и решил помочь правому делу. Он попытался поставить подсечку, но я легко перепрыгнул через выставленную ногу, так же легко уклонился от захвата и побежал дальше. Мужик решил не продолжать преследование, решил, должно быть, что на сегодня подвигов достаточно.

Завернув за угол, я забросил дипломат в сугроб, а сам прижался к стене. Быки появились очень быстро, секунд через десять, я и не ожидал, что они так быстро бегают.

Они повели себя в точности, как я ожидал. Увидев дипломат в снегу, они сделали однозначный вывод – вор в панике убежал, бросив украденное. Они утратили бдительность.

Тому бандиту, что стоял ближе ко мне, не повезло – я ударил его кулаком в основание черепа. Мастер каратэ или ушу нанес бы этот удар ребром ладони, но у меня не было соответствующего рефлекса, пришлось ограничить себя не столь эффективным, но более привычным ударом кулаком. Бандит рухнул замертво, как мешок с чем-то мягким. Я не почувствовал под рукой хруста кости, этого и не требовалось, моя задача состоит только в том, чтобы его оглушить.

Второму бандиту не повезло еще больше. Первоначально я рассчитывал подскочить к нему сзади, ухватить руками за лодыжки, боднуть головой в мягкое место, а когда упадет, приложить головой об лед. Со стороны этот прием выглядит по-дурацки, но на самом деле он потрясающе эффективен.

Но у второго бандита оказалась очень быстрая реакция, и, что еще более существенно, он оказался слишком сообразительным. Он не впал в радостный ступор при виде дипломата в сугробе, он сразу заподозрил неладное, а услышав слева — сзади стук падающего тела, резко развернулся, отскочил назад и не встал в боевую стойку, а сразу потянулся за пистолетом.

Я не отличаюсь особенно мощной комплекцией, я самый обычный мужик среднего роста и телосложения. Этот тип не должен был воспринять меня как опасного противника (особенно в накладной лысине и дурацкой куртке), но он сумел быстро сложить два плюс два и понять, что человек, моментально вырубивший его напарника, заслуживает особого внимания. Короче, второй бандит потянулся за пистолетом.

Если бы пистолет был спрятан в боковом кармане его кожаной куртки, мне пришлось бы воспользоваться деструктором, я бы не рискнул идти на ближний контакт. Но пистолет противника был во внутреннем кармане и это давало мне шанс, которым я и воспользовался.

Выходить из низкой стойки было поздно и поэтому я просто подкатился под ноги противника по гладкому раскатан-

ному льду. Он был вынужден отступить в сторону и это замедлило движение его руки, вытаскивающей пистолет.

Я вскочил на ноги и сделал вид, что поскользнулся. Если бы я встал быстро и уверенно, этот тип обязательно отбросил бы мысль о пистолете и пришлось бы драться. А так есть шанс все уладить с минимальным риском для собственной персоны.

Бандит выхватил пистолет. В тот момент, когда его рука показалась из-за обшлага куртки, я сделал вид, что сейчас упаду на него, не удержав равновесия. Он отступил, но я не растянулся на льду у его ног, а внезапно обрел равновесие, прыгнул, ударил ногой в колено, ухватился обеими руками за кисть с пистолетом и провел тот самый прием, которым ранее спустил с лестницы инопланетного маньяка. На этот раз запястье противника ощутимо хрустнуло.

Я нанес нокаутирующий удар ногой в челюсть, противник залег и все было кончено.

Остались сущие мелочи – вытащить из-под куста черный плащ и шапочку, облачиться в них, подобрать дипломат, сесть в машину и уехать. Все это я и проделал, именно в таком порядке и без малейших затруднений.

Сегодня утром, садясь в машину, я выключил мобилу –

не хватало еще, чтобы она заверещала в самый ответственный момент. Теперь ее можно включить, но я не стал этого делать. Виктор Петрович, я уверен, рвет и мечет, пытаюсь выяснить, что со мной случилось и почему я не оказался в назначенное время в назначенном месте. Я не хочу тратить время на объяснения, сейчас я прежде всего хочу посмотреть, что за компромат лежит на диске, за которым он охотится.

Через полчаса я парковался у офиса. Я опасался, что Виктор Петрович пошлет сюда своих людей, но то ли я его недооценил, то ли его люди все—таки были на месте, но имели приказ наблюдать, но не вмешиваться. Неважно.

Я прошел через проходную, поднялся по лестнице на третий этаж, электронным ключом открыл замок на входе в помещения «Эзопа», поздоровался с Ирочкой, прошел в свой кабинет, не спеша разделся, включил кофеварку и завел компьютер.

Уже второй раз за последнее время я нарушил привычный ритуал начала рабочего дня. Я не стал просматривать электронную почту и читать свежие анекдоты, я решил сразу просмотреть DVD. Незачем зря трепать нервы уважаемому человеку. Скорее всего, на диске ничего особенно криминального нет, а в этом случае надо отдать диск заказчику как можно быстрее.

Но уже через минуту я понял, что ошибся, а еще через пять минут я никак не мог назвать Виктора Петровича ува-

жаемым человеком. Поймите меня правильно, я очень люблю «Лолиту» Набокова, а международная пропагандистская кампания против педофилов вызывает у меня глухое раздражение, лучше бы террористов ловили с таким усердием. В само деле, что плохого в том, что человек начинает половую жизнь чуть—чуть раньше, чем получает паспорт? Я и сам, можно сказать, жертва педофилки, если так можно назвать пятнадцатилетнюю девочку, соблазнившую мальчика еще моложе себя. Ну и что с того? Никаких комплексов по этому поводу я не испытываю и жертвой себя не чувствую. Но просмотрев добытый с боем диск в Media Player, я понял, что педофилия педофилии рознь.

Есть вещи, находящиеся так далеко за гранью нормального человеческого поведения, что вызывают чисто инстинктивное отвращение. Я так и не смог полностью просмотреть этот любительский фильм, мне хватило двух минут. Еще минут десять я смотрел его в ускоренном режиме, но чувство омерзения не отпускало.

Я закрыл Media Player и несколько минут неподвижно сидел, глядя в голую стену перед собой. Когда я решил, что нервы вернулись в состояние, близкое к норме, я включил мобилу и набрал номер Виктора Петровича.

— Я забрал дипломат, — сказал я, не тратя времени на приветствия. — Диск там. Не знаю, тот диск или не тот, но похоже, что тот. Через полчаса буду у «Макдональдса» на Ленинском проспекте.

И я повесил трубку, не дав моему собеседнику ничего сказать. Сейчас мне совсем не хотелось слышать его голос.

24

Я не стал подъезжать непосредственно к «Макдональдсу», я оставил машину во дворе метрах в трехстах от места встречи. К «Макдональдсу» я подошел пешком, я был одет обычным образом, без всяких дополнительных плащей или париков, на мне была моя обычная куртка, а в ее кармане покоился деструктор. На всякий случай я поменял сыр в стволе и вставил в рукоятку новые батарейки.

Я собирался прийти заранее, заказать Что-нибудь, занять столик у окна, дожждаться, когда «Лексус» Виктора Петровича появится на стоянке, и спокойно расстрелять мерзавца прямо сквозь стекло. Но все получилось совсем не так.

Когда я подошел к стоянке, «Лексус» был уже там. Идти к входу в забегаловку через открытое пространство было глупо – меня обязательно заметят. А это мне не нужно, я хочу раздавить гадину, не вступая с ней в бесплодные дискуссии.

Я обошел стоянку по периметру, выбрал наименее неудобную позицию из всех возможных, достал деструктор и прицелился пластмассовым пистолетом в заднее колесо «Лексуса». Я не хотел, чтобы луч задел шофера и телохранителя.

Колесо рассыпалось, джип просел, все выглядело точно так же, как и утром, только без искр под колесом. И еще одно отличие – у «Лексуса» колеса гораздо больше, чем у БМВ, поэтому он не просто просел, а завалился на бок и, кажется, снес боковое зеркало у припаркованной по соседству зеленой «девятки».

Из джипа выскочили знакомые по вчерашней встрече шофер и телохранитель, но Виктор Петрович почему-то не появлялся. Телохранитель бегло окинул взглядом окрестности и... черт! Он меня заметил.

Я поспешно отвернулся, уже понимая, что слишком поздно. Я сделал над собой усилие, повернулся обратно, мысленно плюнул и пошел к джипу. Кажется, придется работать грязно.

Телохранитель, которого Виктор Петрович называл Сергеем, приоткрыл дверь «Лексуса», что-то сказал внутрь, закрыл дверь и пошел ко мне. Мы встретились на границе стоянки.

Он стоял и молчал, ожидая, что я начну говорить. И я начал.

– Я видел компромат на твоего хозяина, – сказал я. – На том диске был видеофильм.

– Гомосексуализм или что покруче? – спросил Сергей с интересом.

– Покруче. Педофилия, причем ужасная.

Сергей спокойно кивнул, принимая информацию к сведению.

нию.

— Твоя работа? — спросил он, кивнув на уничтоженное колесо.

— Моя, — согласился я.

Мы стояли напротив друг друга, смотрели друг на друга и я понимал, что он не позволит мне пройти вглубь стоянки и довершить начатое. И тем более он не позволит мне достать деструктор и открыть огонь прямо отсюда. Он не одобряет наклонности своего шефа, но он делает свою работу и не его вина, что в его обязанности входит охранять эту мразь. Такая у него работа. Чтобы сделать то, что я хочу, мне придется его, по меньшей мере, оглушить, а это непросто даже для меня. Особенно теперь, когда он знает, на что я способен.

Я стоял, молчал, глядел Сергею в глаза и никак не мог принять решение. А потом что-то подбросило меня в воздух и швырнуло на землю. В моей голове последовательно промелькнули две мысли. Первая: меня подстрелили. И вторая: надо убираться куда—нибудь подальше, все равно куда, но подальше.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ОЛ

1

Я не сразу понял, что со мной происходит. Я находился в маленькой хижине, на голом земляном полу лежал большой и очень мягкий ковер белого цвета, а на этом ковре лежал на спине мохнатый гуманоид с длинной конусообразной головой и попугайским клювом вместо носа. На верхней половине которого имелся маленький розовый хоботок, который сейчас возбужденно подрагивал. Я восседал на этом гуманоиде и... черт меня подери! Я женщина!

Надо быть осмотрительнее, когда даешь Сети команду на физическое перемещение. Но кто мог подумать, что она воспримет мой речевой оборот так буквально?! Черт!

От возмущения я перестал двигаться. Гуманоид сфокусировал на моем лице взгляд заплывших от удовольствия глазок и удивленно спросил:

– Что с тобой, куколка? Уже устала?

Вопрос прозвучал не по-русски. Звуки языка, на котором говорил гуманоид, складывались в бессмысленную абракадабру, но я ее понимал. Это естественно, язык общения пу-

тешественник получает вместе с телом.

Я решительно встал (или встала?), переступил через тело гуманоида и сказал:

– Сегодня я не в настроении.

Гуманоид негодуяще фыркнул, его мужское достоинство сморщилось и увяло на глазах. Запах его тела изменился и я понял, что новый запах означает, что его носитель медленно, но неотвратимо впадает в ярость и ярость его направлена на меня.

– Отвали от меня, козел, – сказал я.

На языке этой планеты, мои слова прозвучали немного по-другому, примерно так:

– Познай небытие, пожиратель падали.

Или, в обратном переводе в систему понятий русского языка:

– Сдохни, говноед.

Получилось немного более грубо и угрожающе, чем я рассчитывал. Гуманоид стремительно вскочил на ноги и попытался вцепиться мне в глотку. Я легко уклонился и в ответ ударил его ногой по гениталиям. Оказывается, у этой расы мужские гениталии так же чувствительны к боли, как у людей.

Гуманоид скорчился, на его глазах выступили слезы. Черт возьми! У него сзади хвост! Гм... у меня тоже.

Я окинул комнату быстрым взглядом и увидел у левой стены еще одного гуманоида. Я шагнул к нему, а он шагнул ко

мне, в точности копируя мои движения. Зеркало, догадался я.

Следующую минуту, пока мой бывший сексуальный партнер корчился в конвульсиях и постанывал, я потратил на изучение своего тела в зеркале. Больше всего я походил на некрупную обезьяну, вроде шимпанзе, но чуть побольше и с длинным хвостом. Только удлинённый конусообразный череп не производил впечатления обезьяньего, он вызывал ассоциации с зелеными человечками из желтых газет. Все тело покрыто короткой и густой рыжевато—зеленой шерстью, руки вполне человеческие, только вместо ногтей когти, короткие и тупые. Черты лица тоже в основном человеческие, если абстрагироваться от попугайского клюва на месте носа и рта. Глаза вокруг зрачков янтарно—желтые, без разделения на белок и радужную оболочку. Ноги похожи на человеческие, но более короткие и ступни совсем другой формы. Сзади длинный хвост... довольно сильный и ловкий. Половые органы... гм... женские. Блин!

Мой половой партнер тем временем очухался и стал выпрямляться. Я оторвался от созерцания отражения в зеркале и подошел к нему.

– Ты кто? – спросил я.

Гуманоид взревел и попытался ударить меня кулаком в глаз. Я уклонился, поймал его руку на захват и совершил бросок. Судя по тому, что противник не ускользнул от броска, хотя легко мог, стиль рукопашного боя у этой расы ра-

зительно отличается от человеческого. Или они вообще не умеют драться как следует. Либо, что наиболее вероятно, он просто не ожидал подобной прыти от женщины.

– Ты кто? – повторил я свой вопрос.

Запах моего мохнатого товарища снова изменился, теперь это был запах страха. Мне стало стыдно. Мой друг, возлюбленный, хозяин и повелитель страдает, а я... Отставить! На этот раз мне с телом не повезло, оно слишком эмоционально.

Я почувствовал, что гуманоид готов позвать на помощь.

– Молчать! – рявкнул я. – Изуродую на хрен!

Только произнеся эти слова, я сообразил, каково их дословное значение, и смутился. Будь я человеком, я бы покраснел, а так мое тело издало соответствующий запах. Гуманоид приободрился.

– Я Дилх Аарн Сартори, – заявил он. – Я хозяин семей и отец хижин. А кто ты, какая червоточина породила тебя, о русалка фиолетовых чащ?

– Меня зовут Андрей Сигов, – представился я. – Можно просто Андрей. Вообще-то я мужчина.

Дилх Аарн Сартори скептически хмыкнул.

– Да, я мужчина! – воскликнул я. – По крайней мере, раньше был. Это тело принадлежало твоей жене?

Дилх Аарн Сартори издал запах понимания.

– Ты не русалка, – заявил он. – Ты элрой, лишенный плоти и крови. Ты из элроев Баррабуса, ты даришь воинам счастливое безумие на поле боя, забираешь боль и даешь силу.

Зачем ты вошел в мой дом?

– У меня не было выбора, – сказал я. – Меня смертельно ранили, я воззвал к Сети и моя душа перенеслась в твой мир, в тело твоей жены.

– Я никогда не слышал о богине по имени Сети, – заявил Дилх Аарн Сартори. – Странно, что женщина имеет власть над демонами—воинами.

– Сеть – не женщина, – сказал я. – Сеть – это... ты все равно не поймешь. Неважно.

– Ты называешь Сетью Создателя? – предположил Дилх Аарн Сартори.

– Нет! Хотя... кто его поймет... Неужели у вас в мире никто ничего не знает о Сети? О том, что можно собрать терминал и твоя душа улетит... как бы это сказать...

– В иной мир?

– Да. Ты знаешь о других мирах?

– О них знает любой подросток. Каждый знает, что такое вейерштрасс, но никто не называет его терминалом. В годину больших испытаний духи земли взращивают цветок рвасса и тому, кто сумеет найти его и сорвать, сохранив в целости свою душу...

Кажется, я попал. Почему-то вспомнился анекдот. Стреляет охотник в кабана и думает: «Попал я или не попал?» А потом из кустов выходит кабан и говорит: «Мужик, ты попал».

Вот и я попал. Попал в средневековый (если не первобыт-

ный) мир, где никто никогда не слышал о Сети и не услышит о ней еще много столетий. Хотя нет, раз координаты этого мира есть в базе данных Сети, должен был произойти хотя бы один контакт, пусть даже тысячу лет назад. Но от этого не легче.

Конечно, я могу в любой момент дать команду на возвращение и вернуться в родную Москву умирать с пулей в грудной клетке. Ну уж нет, пусть лучше мое родное тело пока отдохнет в стасисе, а потом я Что-нибудь придумаю. «Интересно, что?», поинтересовался внутренний голос. «Что-нибудь придумаю», повторил я, голос сказал: «Ну—ну» и заткнулся.

– Ну что, Дилх Аарн Сартори, – начал я и запнулся. – Слушай, можно тебя называть как—нибудь покороче?

Дилх Аарн Сартори издал запах гнева, смешанного с недоумением.

– Из какого ты рода? – спросил он. – Если ты эрастер, то ты имеешь право называть меня просто Дилх. Но только если ты эрастер.

Я попробовал найти в памяти тела значение слова «эрастер», но это не вполне удалось, потому что носительница моего нынешнего тела раньше была весьма тупой и невежественной особой. Ее память смогла подсказать только то, что все эрастеры – привлекательные мужчины

– Что такое эрастер? – спросил я.

– Раз тебе неизвестно это слово, то ты не можешь произно-

свить мое короткое имя, — заявил Дилх. — И не забывай, нарушение порядка карается смертью.

И здесь тоже все пекутся о порядке и наказывают смертью за его нарушение. Я вспомнил, как погиб Павел, и мое тело издало запах гнева.

— Но—но! — воскликнул Дилх. — Не смей меня трогать! Ты всего лишь элрой, а я эрастер в семнадцатом поколении. Не тебе нарушать установленный порядок.

— Расскажи мне про эрастеров, — потребовал я. — И вообще, про этот мир.

2

Обитатели планеты Ол пользуются звуковой речью и это позволило мне слышать имена собственные так, как они произносятся, а не так, как их преобразует мое подсознание. Планета называется Ол, что означает «мир», а также Ива, что означает «земля». Страна, в которой я сейчас нахожусь, называется Трагкок, что не означает ничего определенного, это просто имя. Деревня, в которой я появился, называется Врокса, это тоже просто имя.

Уровень технического развития здесь примерно соответствует тому, что на Земле называлось ранним средневековьем. Млогса, аборигены планеты Ол имеют денежное обращение, в качестве денег используется металл, именуемый

«ихтис», похожий по виду на алюминий. В качестве транспорта млогса используют травоядных животных, называемых «майста», эти звери внешне напоминают земных тапи-ров. Верховая езда у млогса неразвита, но это связано не с их отсталостью, а с анатомическими особенностями майста. Млогса имеют сложную мифологию, которая одновременно играет роль и религии, и философии.

Анатомически млогса весьма близки к людям. Они тепло-кровные, двуногие, всеядные и живородящие, но детей они выкармливают не молоком, а кашей из крупных нелетаю-щих насекомых, похожих на земных тараканов и именуемых «неревей».

Неревей – уникальный элемент местной биосферы. Они обитают в мелководных заболоченных водоемах и почти не имеют естественных врагов, потому что все высокоразвитые животные планеты используют неревей для выкармливания своих детенышей. Возле каждого пруда, в котором водят-ся неревей, постоянно несет службу сводный отряд из сотен животных, принадлежащих к десяткам разных видов. У дет-ского пруда действует строгий нейтралитет, здесь запрещено охотиться и выяснять отношения, изнывающий от голо-да хищник будет лежать рядом с тучным травоядным, хищ-ник истечет слюнями, но не позволит себе напасть. Инстинкт перемирия очень силен, а еще сильнее другой инстинкт – немедленно уничтожить того, кто нарушил перемирие. Если какой—нибудь мусс свихнется от голода и загрызет, скажем,

балабаса, все окрестные звери набросятся на мусса и растерзают его на части.

Неревей очень питательны и совершенно беззащитны, но это не мешает им процветать. Несколько видов крупных насекомых пытаются охотиться на неревей, но это не так просто, потому что неревей защищают звери, окружающие пруд. Что интересно, звери не только безжалостно истребляют вредных насекомых, но и следят за тем, чтобы неревей хватало пищи. Если прудовые водоросли по каким-то причинам начинают чахнуть, звери приносят сочные побеги наземных растений и бросают их в пруд.

Удивительная планета. Раньше я и не предполагал, что неразумные животные способны к столь осмысленной рассудочной деятельности. Я понимаю, что эта деятельность только внешне кажется рассудочной, на самом деле это просто отточенный за миллионы лет инстинкт, но когда видишь детский пруд своими глазами, поверить в это трудно.

Обычно млогса питаются сочными растениями, в изобилии произрастающими повсюду, их любимая пища – вкусные и питательные орехи дерева лулсу, которые так удобно разгрызать их мощными клювами. Два раза в год, когда начинается сезонная миграция, млогса устраивают загонную охоту, добытое мясо консервируется с помощью трав, обладающих антисептическими свойствами, и хранится до следующей охоты. Млогса не любят есть мясо, они считают его невкусным и едят только в сезон засухи, между урожаями.

Интересно, что на этой планете все растения скоропортящиеся, а мясо, напротив, считается продуктом длительного хранения. Должно быть, местные гнилостные бактерии какие-то ненормальные, земным ученым было бы интересно их изучить. Впрочем, земным ученым интересно все, и не только на этой планете.

Млогса не занимаются земледелием, земля планеты Ол достаточно плодородна, чтобы ограничиться собирательством. Иногда случаются неурожайные годы, тогда численность млогса резко сокращается, но не из-за голодных смертей, а из-за каннибализма. Поедание себе подобных млогса не считают неприличным, у них это совершенно нормальное поведение.

Млогса двуполы, девочек рождается примерно втрое больше, чем мальчиков. Гражданскими правами пользуются только мужчины и к этому есть основания. Считается, что женщины глупы, у них плохая память и они неспособны даже освоить грамоту. Но я полагаю, последний факт объясняется прежде всего тем, что девочек никто не учит грамоте.

Мужчины млогса охотятся, собирают плоды, воюют, а в часы досуга занимаются науками и искусством. Женщины рожают и воспитывают детей, ведут домашнее хозяйство, а также делают грязную и тяжелую работу. У млогса нет постоянных семей, женщины племени считаются общественной собственностью, каждый взрослый мужчина может распоряжаться каждой женщиной по своему усмотрению. Есть, ко-

нечно, некоторые ограничения, например, запрещается жестоко обращаться с женщиной без нужды, а также вступать в половые отношения с близкими родственниками.

Среди мужчин млогса выделяются эрастеры, это что-то вроде дворянства на средневековой Земле. Эрастеры имеют преимущественное право оставлять потомство, обычный мужчина может оплодотворить только ту женщину, на которую не претендует ни один эрастер. Если мужчина заметил, что женщина готова к оплодотворению, он обязан доложить об этом ближайшему эрастеру, нарушение этого правила считается тяжелым преступлением и карается смертной казнью.

Эрастерами не рождаются, эрастерами становятся. Мальчик, физически сильный и ловкий, обладающий недюжинным умом и удовлетворительными моральными качествами, имеет право приступить к обучению, в результате которого он обучается чтению, письму, а также разным искусствам и ремеслам. Если юноша успешно сдает все экзамены, он становится эрастером, при этом не играет большой роли то, кем были его родители. Дети эрастеров становятся эрастерами чаще, чем дети простолюдинов, но не из-за того, что получают какие-то поблажки на экзаменах, а только из-за лучшей наследственности. Однако те эрастеры, чьи отцы тоже были эрастерами, очень гордятся этим фактом. Принято считать, что чем больше поколений предков были эрастерами, тем данный эрастер круче.

Когда юноша становится эрастером, он получает тройное имя, оружие, старшего эрастера и долг по отношению к нему. Фактически эрастер является рабом своего старшего, он обязан беспрекословно выполнять все его распоряжения, какими бы они ни были. Но это не ущемляет свободу юного эрастера, потому что мужчина, не являющийся эрастером, обязан выполнять распоряжения любого эрастера., а не только какого-то одного.

Долг – одно из главнейших понятий в общественной жизни млогса. Каждый мужчина имеет долг в отношении мужчин, стоящих выше него на общественной лестнице, личная свобода млогса существует лишь в пределах, предоставленных старшими. Общество млогса очень жестко структурировано.

У млогса нет единого государства. Отдельные племена живут разрозненно и управляются сами по себе, внутренние законы в соседних племенах могут разительно различаться. Племена ведут торговлю между собой, а иногда и воюют. В войнах участвуют не только мужчины, но и женщины, последних используют главным образом как живой щит.

У млогса нет купцов, перегоняющих торговые караваны за тысячи километров. Торговля ведется по цепочке – одно племя продает другому какой-то товар, то племя перепродает его третьему племени, и так далее. Некоторые цепочки могут быть очень длинными, так, в моем племени старшие эрастеры на ночь надевают теплые меховые плащи, выделан-

ные из толстых шкур полярных зверей. Очевидно, что такая многоступенчатая схема торговли не может быть эффективной, но здесь она почему-то работает.

Обычно, когда нет ни голода, ни войны, мужчины млогса ведут праздную жизнь. Охота и собирательство не отнимают много времени, все остальные текущие заботы возлагаются на плечи женщин, а мужчины играют в разнообразные игры, обучают молодежь, рассказывают друг другу сказки и легенды, сочиняют и поют песни, размышляют и беседуют об отвлеченных материях. Мужчины млогса, особенно эрастеры, хорошо образованны, почти все умеют читать и писать, знакомы с арифметикой, разбираются в литературе. Средневековые утописты—мечтатели порадовались бы, глядя на эту картину. Правда, женщины... а что женщины? Должен же кто-то делать грязную работу, почему бы и не женщины?

Тот факт, что я попал в женское тело, сослужил мне дурную службу. На второй день пребывания в этом мире до меня дошло, насколько близок я был к смерти. Если бы не сложная система запаховой сигнализации, принятая у млогса, меня бы растерзали и съели через пару минут после того, как я отказался заниматься сексом с Дилх Аарном Сартори. Меня спасло лишь то, что когда в тело этой женщины вселилась новая душа, тело стало пахнуть совсем по-другому, не как забитая самка, а как сильный и уверенный в себе эрастер. Именно поэтому Дилх Аарн Сартори стал со мной разговаривать, а не схватился за меч.

Сейчас мое положение в племени весьма своеобразно, если не сказать большего. Дрон, главный сказитель племени, после трехчасового размышления объявил, что много лет назад один элрой вселился в тело юного мужа по имени Йоз, который жил то ли в стране Румай, то ли в стране Йарне, Дрон точно не помнит. Йоз был слабым и сопливым юношей, но после того, как в него вселился элрой, Йоз заявил, что хочет стать эрастером. Ему отказали, но тогда он побил старших и заявил, что будет эрастером не по закону, а по понятию. Он говорил, что знает много мудрости, лежащей за пределами познания, и поделится ею с мужчинами и мальчиками, и тогда в племени наступит всеобщее счастье и процветание, никогда не будет засухи и голода, и никто не уйдет обиженным. Йоз долго говорил, а потом устал и лег спать, и эрастер по имени Йода Орм Хорни подкрался к нему и размозжил голову дубиной. Элрой покинул голову Йоза и когда тело Йоза съели, оно не отличалось по вкусу от любого другого тела. Некоторые мужчины боялись есть Йоза, потому что считали, что элрой вселится в них, но их опасения были беспочвенны.

Выслушав эту историю, Грин Грин Ромаро, старший эрастер племени (по сути, вождь), спросил меня, не собираюсь ли я открыть мужчинам и мальчикам мудрость, лежащую за пределами познания.

– Я хочу только одного, – заявил я. – Уйти из этого тела в свой родной мир.

– Давай я разобью тебе голову и ты уйдешь, – любезно предложил Грин Грин Ромаро.

– Скажи это еще раз и я разобью голову тебе! – возмутился я. – Я хочу вернуться на Родину живым и здоровым, а если мне разобьют голову, я умру и никуда не вернусь. А что касается мудрости, я много чего могу вам открыть, но мне, честно говоря, на вас наплевать. Я буду рад, если вы познаете мудрость иных миров, но если вы откажетесь от познания, я не обижусь. Делайте, что хотите, только не трогайте меня без нужды. Я покину вас, как только смогу.

– Что тебе нужно, чтобы ты смог уйти? – спросил Грин Грин Ромаро.

И в самом деле, что мне нужно? Я могу в любой момент сказать Сети, что хочу вернуться, и я вернусь, но тогда я вернусь в умирающее тело и проведу несколько неприятных секунд перед тем, как оно окончательно помрет. Очевидно, этот вариант не проходит.

Я должен как следует подготовить свое возвращение. В момент возвращения меня должна ждать реанимация... а если пуля пробила оба легких около верхушек? Нет, обычная земная реанимация – слишком рискованно. Надо поискать в Сети какую—нибудь информацию на эту тему. Вселенная велика, где-то должна быть раса, умеющая оживлять своих мертвых, и, кто знает, может, их технологии подойдут и для людей, пусть даже с какими-то изменениями. Надо связаться с Женькой... но как? Без терминала межзвездный телефон

не работает, значит, надо сделать терминал.

Легко сказать – сделать терминал. Как сделать терминал в мире, в котором не знают электричества? Я помню схему терминала, но я понятия не имею, как добыть электричество, если в пределах досягаемости нет ни одной розетки. Из школьной программы я помню, что можно построить какую-то лейденскую банку, которая способна накопить электрический заряд внушительной мощности. Но как ее построить, я не знаю. Я примерно представляю, как устроен электрический генератор, но как его построить, не имея медной проволоки и железных магнитов? Млогса умеют обрабатывать железо, наверное, можно добыть и медь... А что, может, что-то и получится... Но сколько времени это займет? И как сделать в кустарных условиях резисторы и конденсаторы с требуемыми характеристиками?

– Мне нужно железо, – сказал я. – Мне нужно много тонкой веревки из железа.

– Из железа нельзя вить веревки, – удивленно заметил Грин Грин Ромаро.

– Можно, – возразил я. – Я вас научу.

3

Вот я и начал учить млогса мудрости, лежащей за пределами познания. Как и следовало ожидать, первая же муд-

рость носила военное применение. Я объяснил млогса, как делать кольчуги.

Джа, главный кузнец племени, быстро уразумел, что я от него хочу, но никак не мог понять, для чего может понадобиться железная проволока. Я объяснил ему, что это нужно, чтобы сделать волшебную машину, которая вернет меня в мой мир, он кивнул (мимика у млогса очень похожа на человеческую), а потом черт дернул меня за язык и я добавил:

– А еще из проволоки можно делать плащи для защиты от мечей.

Млогса не используют другой верхней одежды, кроме плащей, поэтому мои слова прозвучали немного странно.

– От меча не укрыться под плащом, – возразил Джа.

Я взял в руку тонкую палочку и стал рисовать на земле, как устроена кольчуга. Джа быстро понял все детали, но к самой концепции отнесся с большим скепсисом. Млогса не знают доспехов, в бою они полагаются только на быстроту и ловкость.

– Как знаешь, – сказал я. – В моем мире такие плащи делали испокон веков и никто не жаловался, что они плохие. Потом их перестали делать, но не потому что они были плохие, а потому что мудрецы придумали такое оружие, которое настолько сильнее меча, насколько меч сильнее дубины.

– Нет ничего сильнее меча, – заявил Джа, но не очень уверенно.

– Не веришь – не надо, – сказал я. – Мне от тебя нужна

только железная веревка, которая дотянется отсюда вон дотуда, — я показал рукой, — а насчет остального решай сам.

С этими словами я удалился, оставив Джа в задумчивости.

4

Общение с аборигенами не задалось. Млогса меня откровенно избегают, но не потому, что боятся, они просто не знают, как вести себя в моем обществе. С одной стороны, я женщина, забитое и бесправное существо, которое при встрече следует принудить к половой близости, а затем придумать ей какую—нибудь работу, потому что нехорошо женщине слоняться без дела. С другой стороны, мое тело пахнет так, как никогда не посмеет пахнуть ни одна женщина. Я пахну эрастером, причем не юным эрастером, незрелым, ничего не умеющим и совсем не опасным, а старым матерым эрастером, таким же сильным и мудрым, как сам Грин Грин Рома-ро. Чем больше я привыкаю к новому телу, тем сильнее становится этот запах. Когда млогса улавливают мой запах, они пугаются, потому что это совершенно противоестественный коктейль — молодая привлекательная женщина и старый мудрый эрастер, и все это в одном и том же теле. С ума можно сойти.

К вечеру второго дня выяснилось, что эта проблема не са-

мая главная. Самая главная проблема состоит в том, что до сих пор я не понимал, насколько большую роль в жизни женщины млогса играют инстинкты. Когда разум, мягко говоря, оставляет желать лучшего, инстинкты выходят на передний план, а если подсознание никогда не пыталось их обуздать, делать это приходится разуму, а это утомляет, особенно когда приходится заниматься этим постоянно и непрерывно.

Проблема заключалась в том, что я жутко хотел заниматься сексом и чем больше времени проходило, тем сильнее становилось влечение. Обычно женщины млогса спариваются четыре—пять раз в неделю, эта процедура необходима для поддержания нормальной жизнедеятельности организма. Если бы в нашей земной культуре не считалось неприличным детально описывать устройство и принципы функционирования половых органов, я бы выразился яснее, а так лучше я умолчу. Все равно этот абзац редактор потом вырежет.

Так вот, я очень хотел заниматься сексом. Это было совсем непохоже на тот спермотоксикоз, который время от времени испытывает любой нормальный земной юноша, это больше напоминало состояние курильщика, вынужденного пару дней воздерживаться от курения. Черт! Стоило мне подумать о сигаретах, как к основной беде прибавилась второстепенная... Ну да ладно, проблема не в этом. Проблема в том, что если я сегодня никого не трахну, завтра у меня начнется самая настоящая ломка.

В принципе, нетрудно подойти к какому—нибудь мужчине и предложить ему овладеть мной. Но ведь на самом деле я гетеросексуальный мужик! Мало ли как выглядит мое тело, моя душа – это душа гетеросексуального мужчины. Играть пассивную роль... тьфу!

Когда вошла вторая луна, я понял, что не могу больше терпеть. Я произнес про себя поговорку про один раз и отправился на поиск приключений.

5

Первого мужчину, которого я встретил, звали совсем по земному – Гоги. Он был невысок и кривоног, а его клюв заставил бы умереть от зависти любого грузина. Но мне было уже наплевать, кто будет моим партнером.

– Мир тебе, Гоги, – сказал я.

Гоги учуял исходящий от меня запах и испуганно шарахнулся в сторону. Я попытался его поймать и это было ошибкой.

Испокон века мужчины млогса приставали к женщинам, но женщины никогда не приставали к мужчинам. Учуяв женщину, изнаывающую от вожделения, Гоги удивился – млогса никогда не доводят своих женщин до такого состояния. Но потом он узнал меня, понял причину моей неудовлетворенности и испугался. А когда я попыталась (тьфу! нельзя ду-

мать о себе в женском роде!), попытался его поймать, он впал в самую настоящую панику. Он издал вопль смертельного ужаса, испустил соответствующий запах и ударился в бегство. Это ему не помогло, я без труда догнала... мать... догнал его. А потом я совершил первое в жизни изнасилование.

Когда я слез с него, я увидел, что на крик Гоги сбежались все эрастеры племени. Они стояли вокруг, они смотрели на меня и в глазах тех, кто помоложе, стоял ужас, а в глазах тех, кто постарше, ужаса не было, а было только любопытство. Это понятно — я вник в свои чувства и понял, что молодые мужчины привлекают меня гораздо сильнее, потому старики и не боятся. Интересно только, откуда они знают о сексуальных предпочтениях женщин? Насколько я разобрался в межполовых отношениях млогса, у них не принято спрашивать женщину, какого мужчину она предпочитает. Они просто берут женщину и нагибают.

Я встал, отряхнулся, сделал шаг и эрастеры расступились передо мной. Я ушел, а они остались, и когда я отошел достаточно далеко, чтобы было невозможно различать отдельные слова, они начали разговаривать. Я не стал останавливаться или, тем более, возвращаться. Мне было интересно, о чем они говорят, но я слишком устал. Я хотел спать.

Кажется, я еще не рассказал, где меня поселили. Для меня выделили отдельную хижину, но не из большого уважения, а потому, что эрастеры не решились поселить меня ни в доме мужчин (потому что тело женское), ни в доме женщин (потому что душа мужская). Старый Йет Йети Дзенг заявил на совете племени, что этот вариант тоже нехорош, потому что тогда получается, что я как бы эрастер, ведь отдельное жилище полагается только эрастерам. Но когда Грин Грин Ромаро предложил ему придумать более подходящий вариант, Йет Йети Дзенг заткнулся в смущении.

Так получилось, что я удостоился великой чести – глинобитной сакли, сложенной из сушеного навоза зверя торга и устланного снаружи сухими листьями растения уксика. Внутренняя обстановка отсутствовала как класс – эрастеры решили, что элроу и так оказано достаточно чести.

В этой хижине я провел первую ночь на планете Ол. Меня ждал неприятный сюрприз – ночью здесь очень холодно. Я досидел в хижине до рассвета, стуча клювом от холода, а потом взошло солнце, я быстро согрелся и забыл о том, как холодно здесь по ночам. А потом пришел Грин Грин Ромаро, стал расспрашивать меня о разных вещах и я окончательно забыл о ночном холоде.

Я снова вспомнил о нем только сейчас, когда вернул-

ся в хижину после успешного изнасилования Гоги. Идти к эрастерам за теплым одеялом не хотелось – когда они смотрели, как я слезаю с Гоги, они были какие-то раздраженные. Ну их...

И тут меня посетила неожиданная мысль. Мужчины млогса относятся к своим женщинам, как к скоту, но кто сказал, что я должен относиться к ним так же? Я ведь тоже в некотором смысле женщина. С этими мыслями я и отправился в женский дом.

Женских домов в деревне Врокса около пятнадцати, они не собраны в единый квартал, а разбросаны по всей территории поселения. Это логично – уважающему себя мужчине не подобает утруждать себя долгим путешествиям, если ему вдруг потребовалось вынести помои или удовлетворить зов плоти. Снаружи женские дома выглядят как длинные грязные бараки, каковыми на самом деле и являются. Сам я никогда в женские дома не входил, всю необходимую информацию я извлек из памяти тела, которое жило в одном из них. Заодно я узнал, как женщины млогса греются ночью – у них нет одеял, они просто сбиваются в тесную кучу и греют друг друга теплом своих тел. И еще я узнал, что среди них распространено лесбиянство. Их физиология такова, что сексуальное удовлетворение для них – жизненно важная потребность, самоудовлетворение не годится по физиологическим причинам, так куда деваться бедной женщине, которая почему-то не привлекает мужчин? Либо медленно чахнуть, либо

воспользоваться помощью подруги.

Когда все вышеперечисленное окончательно дошло до меня, я почувствовал сильнейшее омерзение. Я понимаю, что нельзя оценивать нравы чужой цивилизации своими местечковыми мерками, но должны же быть какие-то пределы человеческой гнусности! Да пусть даже не человеческой, от этого не легче.

Правильнее всего сейчас развернуться, вернуться в свою хижину и предаться невеселым раздумьям. Но я уже вплотную подошел к женскому дому, возвращаться не то чтобы поздно, но как-то глупо. Что подумают женщины? Великий элрой шел к ним, а потом вдруг чего-то испугался, передумал и пошел обратно. Вообще-то мне наплевать, что они подумают, но, с другой стороны, как-то это неправильно будет.

Я решительно перешагнул через порог и в нос мне ударил едкий, но приятный запах сотни женских тел. Они источали запах покоя, смешанный с едва уловимыми нотками тревоги, не по какому-то конкретному поводу, а, так сказать, абстрактной тревоги, давно вошедшей в привычку у этих несчастных созданий. Вечно жить в ожидании того, что в дверь войдет мужчина и в лучшем случае принудит к сексу, а в худшем... оказывается, у млогса тоже есть извращенцы и садисты. Какая мерзость!

Когда я вошел в барак, разговоры прекратились и наступила мертвая тишина. Десятки янтарных глаз уставились на меня, запах тревоги усилился и к нему добавился запах стра-

ха. Я улыбнулся и громко сказал:

– Мир вам!

И сразу понял, что сказал не то. Эти слова говорят мужчины, так они приветствуют друг друга. Женщин они не приветствуют вовсе, они считают излишним приветствовать говорящий скот. Женщины млогса приветствуют друг друга словами "я люблю тебя ", это, конечно, просто слова, но какая-то доля смысла в них есть.

Я издал запах смущения и поправился.

– Я люблю вас! – сказал я.

Это тоже оказалось не в тему. Женщины млогса никогда не разговаривают громко и никогда не обращаются к большой аудитории. Они всегда говорят вполголоса, чтобы не рассердить мужчину, который может неожиданно появиться рядом, и никогда не собираются группами больше шести—восьми особей. Перемывать друг другу косточки удобнее в тесной компании, а глобальные вопросы женщины не обсуждают, все решения у млогса принимают только мужчины.

Но какое мне дело до того, что я нарушаю местный этикет? Я не женщина, а элрой, демон из иных измерений, в которые можно попасть, сорвав цветок рвасса и приготовив из него какой-то загадочный вейерштрасс. Кто сказал, что женщина, в которую вселился элрой, должна вести себя как женщина? Даже сам Грин Грин Ромаро признал, что это не так. Он ведь не отправил меня в женский дом, а отнесся с уважением, почти как к эрастеру.

Я подошел к ближайшей компании, в которую входили пять юных девушек, они сидели прямо на полу, сложив ноги по-турецки и обернув хвосты вокруг бедер.

– Я люблю вас, – сказал я, присев рядом.

Девушки смотрели на меня расширенными глазами и ждали продолжения.

– Честно говоря, я и сам не знаю, зачем пришел сюда, – сказал я.

Я употребил форму мужского рода, и к запаху девушек добавилась нотка испуганного непонимания.

– Зачем пришла, – поправился я. – Вы вряд ли поверите, но я теперь и сам не знаю, какого я пола. Как элрой, я мужчина, а как млогса, я женщина. Я хотел вести себя как мужчина, но прошлой ночью мне помешал зов плоти. Когда я пошел к вам, я хотел попросить у вас одеяло, потому что ночью одному холодно. А теперь я вижу, что одеял у вас нет, но не возвращаться же обратно... Если я вам мешаю, я уйду, но я не хочу уходить, я хочу поговорить с вами... даже сам не знаю, о чем.

– Тебе холодно? – спросила одна из девушек, от других она отличалась тем, что на левой руке у нее не хватало трех пальцев из пяти.

– Сейчас нет, – сказал я. – Но ночью будет холодно.

– Я согрею тебя, – сказала двупалая девушка. – В любое время, когда будет надо.

Память тела подсказала мне, что она имеет в виду, и мое

тело издало запах смущения. Девушка улыбнулась и произнесла нараспев:

— Если тебе холодно, взгляни на мой хоботок, я буду везде, я дам тебе радость и отниму печаль, я люблю тебя, просто приди. Если льет дождь, я зажгу солнце, я сделаю все, я дам тебе клюв и уши, только приди.

После этих слов отказать ей было решительно невозможно.

7

Когда я был молодым и бестолковым юношей, я часто фантазировал о будущем. В разные моменты времени я мечтал стать генералом, президентом, крутым бизнесменом на шестисотом «Мерседесе», я представлял себе, каким крутым мужиком я буду, у меня будет красивая жена, любящая и верная, двое—трое детей, умных и всячески продвинутых... Я мечтал о многом. Среди моих мечтаний были и такие, о которых не рассказывают даже самым близким, одно время я даже обдумывал теорию, что в жизни надо попробовать все. У меня бывали самые безумные сексуальные мечты, но я никогда не думал, что стану лесбиянкой, и не в мечтах, а в реальности, если можно назвать реальностью бытие в виде души, отделенной от тела и засунутой в волосатого гуманоида женского пола. А что, чем не теория: все, что меня окружает

– иллюзия, вся Сеть – великая иллюзия, а на самом деле я сейчас тихо умираю на промерзшем московском асфальте. Но лучше так не думать, а то можно поверить, что это правда, и тогда незачем жить.

Как бы то ни было, факт свершился, я попробовал секс с женщиной и мне понравилось. Это понравилось мне гораздо больше, чем секс с Дилх Аарном Сартори или, тем более, с Гоги. С философской точки зрения это означает приоритет души над телом, ведь душа у меня мужская, а тело женское, но раз женщины мне нравятся больше, чем мужчины, получается, что душа главнее, чем тело. Я вкусил пищу из общего корыта женского дома, я вкусил любовь женщины и тем самым я стал женщиной, по крайней мере, с точки зрения млогса.

Но если отвлечься от абстрактных рассуждений, все проще. Двупалая девушка, которая поделилась со мной своим телом, не просто так говорила «я люблю тебя». Все время, пока длился процесс, она действительно любила меня и я тоже любил ее. Я не строю иллюзий, это была скоротечная одноразовая любовь, но от этого она не перестает быть любовью. Мне жалко мужчин млогса, они не понимают, что такое любовь, они настолько привыкли относиться к сексу как к одной из естественных потребностей организма, что мне их жалко. Неважно, что они доминируют в этом мире, неважно, что им принадлежит вся власть и почти вся свобода, важно только одно – они не знают, что такое любовь, и потому до-

стойны только жалости.

Что-то странное со мной происходит. Раньше я не замечал за собой склонности к отвлеченным рассуждениям, особенно такого гуманистического характера. Я привык воспринимать себя как хищника, двуногого волка, привычного к жизни в городских условиях, но от этого не менее хищного. Обычно я соблюдаю установленный порядок, но не потому, что неспособен переступить черту, а потому, что не считаю это нужным. Я сам придумываю себе понятия, и то, что они почти во всем совпадают с общепринятыми, не означает, что я слепо подчиняюсь воле большинства.

Раньше я никогда не просиживал часами на месте, думая об отвлеченных материях. Должно быть, все дело в том, что в деревне Врокса больше нечего делать. Телевизора нет, интернета тоже нет, поговорить не с кем, вот и тянет на пустые размышления. Интересно, насколько они пустые?

Но насчет «не с кем поговорить» я погорячился, теперь у меня есть с кем поговорить. Когда мы с Двупалой сделали все, что хотели, и прошло положенное время, требуемое для восстановления сил, как-то незаметно я оказался в центре живого круга, рядом со мной сидела Двупалая, чуть подальше – другие женщины, я говорил, а они слушали.

Я забыл сказать, что женщины млогса не имеют собственных имен. И в самом деле, зачем давать имя говорящей скотине? С нее хватит и прозвища. Вот и ходят по деревне Двупалая, Голохвостая, Ушастая и легион тех, кто не удостоился

даже такого наименования, потому что в их внешности нет ничего примечательного, что позволило бы их легко запомнить. Когда мужчина приходит в женский дом и хочет найти какую-то определенную женщину, он говорит примерно так: «Эй, ты! Приведи сюда ту, которая вчера носила воду для Джа». Но мужчин редко интересует какая-то конкретная женщина, чаще они выхватывают из толпы первую попавшуюся и делают с ней то, ради чего она потребовалась. Все равно все женщины одинаковые.

Но достаточно об именах. Я говорил, а женщины слушали меня, затаив дыхание. Это был странный разговор, я говорил не с ними, я говорил сам с собой, с той частью моей души, что досталась от тела, в котором я сейчас обитаю. Чем дольше я говорил, тем больше разных вещей я узнавал о бытии разумных существ на планете, именуемой Ол. Я понимал и познавал эти вещи, и мое познание преобразовывалось в поток слов и запахов. И я изливал этот поток на своих слушательниц, и почему-то мне казалось, что в этом нет ничего странного или неестественного, что все должно быть именно так.

Я извлекал очередные сведения из памяти той, что была мной и тут же рассказывал, как происходят аналогичные вещи в моем родном мире. Я рассказывал женщинам млогса, что на Земле матери кормят детей не тараканами, а выделениями своего тела, и это вызвало шок, млогса просто не поняли, что тело способно выделять Что-либо отличное от

нечистот. Я рассказывал, что на Земле детей воспитывают матери и отцы, а не старухи, не годные ни на что иное, кроме как следить за младенцами. Я рассказывал, что на Земле женщины тоже имеют имена и что мужчины не всегда стесняются делать грязную работу.

Они смотрели на меня, как на сказочницу. Они хотели верить в то, что я говорю, но не могли. Так слушатели Гомера не могли поверить, что боги пришли со звезд, и с течением веков его поэмы исказились до неузнаваемости...

Стоп! Откуда я взял эту ерунду про Гомера? Интересно... Если как следует подумать и отбросить все заведомо неподходящие варианты, остается только один – Вудсток. Нет, все равно не получается. Этот древесный разум всего лишь обещал наделить меня великой силой, которая позволит отбиться от агентов комитета защиты порядка. Какое отношение к этой силе имеет тот факт, что Гомер в «Одиссее» описывал первый контакт с чужим разумом?

Хотя... В одной из галактических энциклопедий черным по белому было написано, что первый контакт состоялся в 1989 году. Возможно, там использовалось другое летоисчисление... Нет, невозможно, текст приведен к человеческой системе понятий, а значит, и летоисчисление тоже должно быть человеческим. Может, авторы той статьи просто не знали о древнем контакте? Или Вудсток ошибся? Или Вудсток здесь вообще ни при чем и это мой собственный глюк? Ладно, бог с ними со всеми.

Обдумывая все это, я сделал долгую паузу. Слушательницы молчали, глядя мне в рот, а потом женщина средних лет с глазами необычно светлого оттенка спросила:

– Что нам делать?

И в самом деле, что им теперь делать? Пришел элрой, наплел гору сказочных историй, вселил в их сердца веру в то, что все может быть совсем не так, что они могут быть не только рабынями, что женщина может гулять сама по себе, как кошка. Пришел элрой, но пройдет должное время и он уйдет, а женщины останутся.

– Вам решать, – сказал я. – Только вы сами можете решить, что вам делать. Никто не сделает это за вас.

Произнеся эти слова, я встал и ушел. Лучше провести еще одну ночь в холоде, чем брать тепло у этих несчастных, которым я только что внушил несбыточную надежду.

8

Первым, кого я увидел на следующее утро, выйдя под лучи утреннего солнца из холодной хижины, был молодой эрастер по имени Эйл Думигар Визи. Его старшим был сам Грин Грин Ромаро, большинство мужчин племени считали Эйл Думигара Визи самым вероятным преемником пожилого вождя. Уважение, которое другие эрастеры выказывали на совете племени к Эйл Думигару Визи, никак не соответство-

вало его юному возрасту.

– Мир тебе, элрой Андрей Сигов, – почтительно произнес Эйл Думигар Визи.

– И тебе мир, эрастер Эйл Думигар Визи, – сказал я в ответ. – Ты меня ждал?

– Да, я тебя ждал, – кивнул эрастер. – Племя обеспокоено.

– Вас расстроило то, что произошло с Гоги? – предположил я. – Если так, я готов принести извинения. Я еще не освоился с новым телом, до вчерашнего вечера я не знал, что зов плоти может стать нестерпимым. Но теперь вам нечего бояться, я уже знаю, как можно справиться с плотью, не прибегая к крайним мерам.

Я со значением пошевелил хоботком на верхней части клюва. Эйл Думигар Визи издал запах смущения.

– Ты должен был рассказать племени о том, что с тобой происходит, – сказал он. – Тогда Гоги остался бы жив.

Я вздрогнул так, что меня аж подбросило.

– Что с ним случилось? – воскликнул я. – Почему он умер? Я что-то сделал не так?

– Ты все сделал не так, – вздохнул Эйл Думигар Визи. – Мужчина, поддавшийся женщине, перестает быть мужчиной и его судьба завершается. Ты не знал этого?

– Не знал. Я сожалею о том, что случилось...

– Тогда ты должен участвовать в поминках. Ты примешь свою долю причастия и произнесешь слова сожаления. Мы будем просить дух Гоги услышать твои слова, принять их, и

воздержаться от мести живым.

– Какой еще мести?

– Ты не знаешь даже этого? Так знай, элрой, дух несправедливо убиенного всегда мстит тому, кто стал виновником его смерти. А если дух считает, что в его смерти повинно все племя, дух мстит всему племени. Чтобы этого не случилось, устраиваются поминки, на которых живые делят тело мертвого и разговаривают с его духом. Они просят прощения за все плохое, что сделали ему при жизни, и если дух удовлетворился извинениями, он воздерживается от мести и удаляется в вечные чертоги Пейл Ури Цергерн Хаймон Хулия.

– Какие—какие чертоги?

– Вечные. Ты не знаешь даже того, что происходит в посмертии? Тогда какой ты элрой?

– А я и не элрой, – отрезал я. – Это вы называете меня элроем, а я сам себя элроем не считаю. Я не раз повторял Грин Грину, кто я такой. Я такой же мужчина, как и вы, только я рожден в другом мире и однажды мне в руки попала вещь, которая позволяет переходить из одного мира в другой. Я сражался, меня тяжело ранили, почти убили, но перед смертью я успел перейти в ваш мир и вселиться в это тело. Я не могу вернуться обратно, потому что тогда умру окончательно, но я не хочу задерживаться у вас дольше необходимого, потому что мне у вас не нравится. Как только я построю машину, которая позволит мне уйти, не расставаясь с жизнью, я покину вас навсегда.

– Никогда больше не говори этих слов, – сказал Эйл Думигар Визи. – Я понимаю, что ты имеешь в виду, но не все млогса поймут тебя правильно. Большинство услышит в твоих словах только одно – ты не элрой. А когда млогса поймут, что ты не элрой, они тебя уничтожат.

– Меня не так просто уничтожить, – усмехнулся я.

– Да, я слышал. Говорят, ты победил в рукопашном бою самого Дилх Аарна Сартори. Признайся честно, ты застал его врасплох?

– В какой-то степени, – признался я. – Но мне помогло не только это. Мне помогла великая сила, которую я обрел в странствиях. Не думаю, что среди млогса найдется тот, кто сумеет меня победить.

– Тогда ты элрой, – заявил Эйл Думигар Визи. – Только элрой способен победить сильного воина, будучи скованным немощным женским телом.

– Не такое уж оно и немощное, – заметил я. – Сухожилия не разработаны, рефлексy не развиты, но если это тело пройдет должное обучение, из его носителя получится не самый плохой воин.

– Вот это меня и беспокоит, – заметил Эйл Думигар Визи. – И не только меня. Многие эрастеры опасаются, что ты хочешь сделать женщин равными мужчинам.

– В моем мире женщины и мужчины равны, – сказал я. – И я не вижу причин, почему у вас дела должны обстоять иначе. Но я не хочу переворачивать вашу жизнь, ваши внутренние

дела меня не интересуют. Я построю машину и уйду, а вы живите, как хотите. Кстати, мне надо сходить к Джа, узнать, сделал ли он железную веревку.

– Он сделал железную веревку, – сказал Эйл Думигар Визи. – Только она очень плохая. Если ее согнуть, она ломается. Из нее нельзя свить железный плащ.

Худшие мои опасения оправдались. Млогса не делают проволоку не потому, что не умеют, а потому, что их железо недостаточно высокого качества. А раз они не в состоянии изготовить даже проволоку, то нечего и думать о том, чтобы соорудить терминал Сети с помощью подручных средств. А это значит... черт!

В принципе, терминал не обязан быть электрическим, терминал – это просто маяк, который показывает Сети, что где-то поблизости есть пользователь, который хочет к ней подключиться. Сигнал, передаваемый терминалом, имеет совсем иную природу, его наверняка можно сгенерировать и без электричества, но я не знаю, как это сделать. Я уверен, что вся необходимая информация есть в Сети, но чтобы войти в Сеть, нужно иметь терминал. Замкнутый круг.

– Ты расстроен, – констатировал Эйл Думигар Визи. – Теперь ты не сможешь уйти?

– Не знаю, – сказал я. – Есть и другие способы путешествовать между мирами, без железной веревки, но они мне неизвестны. Есть одна надежда...

– Какая?

– Когда я пришел к вам, ваш мир уже был подключен к Сети. Значит, его уже посещали существа из иных миров.

– Да, к нам и раньше приходили элрой, ты это знаешь.

– Да, знаю. Но кто-то из них сумел вернуться обратно.

– С чего ты взял?

– Потому что иначе непонятно, почему Сеть знает о нашем мире.

– Чего тут непонятного? Разве Сеть не видит сейчас твоими глазами?

Я растерялся, эта мысль еще не приходила мне в голову. Если так, моя надежда и вправду несбыточна.

– Не знаю, – сказал я. – Может, ты и прав. Но если ты прав, я не смогу уйти.

– Кто знает, – задумчиво произнес Эйл Думигар Визи. – Я не утверждаю, что ни один элрой никогда не возвращался обратно. В наших легендах ничего не говорится о таких случаях, но это не значит, что их не было. Возможно, кто-то из элроев сумел построить ту машину, которая тебе нужна. И еще у нас есть легенда про цветок рвасса.

– Да, я знаю, – сказал я. – В моем мире тоже есть похожая легенда про цветок папоротника, но только папоротник никогда не цветет. Ты сам когда—нибудь видел цветок рвасса?

Эйл Думигар Визи отрицательно покачал головой.

– А из твоих знакомых кто—нибудь его видел?

– Если бы его не видел никто, легенды бы не было.

– Легенда может быть выдумана от начала до конца.

– Невозможно! – возмутился Эйл Думигар Визи. – Предки не лгут.

Я не стал его разубеждать, я понял по запаху, что разубедить его невозможно, как невозможно объяснить упертому христианину, что в небе нет ничего, кроме воздуха. Я просто промолчал.

– Ты пойдешь на поминки Гоги? – спросил Эйл Думигар Визи и добавил: – Надо спешить, а то не успеем выразить уважение покойному. Все съедят без нас.

При одной мысли о том, что придется есть мясо разумного существа, почти что человечину, меня замутило.

– А что будет, если я откажусь? – спросил я.

Эйл Думигар Визи издал запах гнева.

– Лучше не пробуй, – сказал он. – Если не явишься на поминки, ты признаешь, что убил Гоги сознательно.

– Но я не убивал Гоги! – возмутился я.

– Не отрицай очевидное, – Эйл Думигар Визи издал запах презрения. – После того, что ты сделал с ним, он не мог жить. Мужчина, которого женщина принудила к бесчестию, не должен жить. Это закон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.